

Константин Сергиенко
Кеес Адмирал Тюльпанов. Опасные и
забавные приключения юного лейденца,
а также его друзей, рассказанные
им самим без хвастовства и утайки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=145048

Константин Сергиенко. Кеес Адмирал Тюльпанов. Опасные и забавные приключения юного лейденца, а также его друзей, рассказанные им самим без хвастовства и утайки: ООО «Кейс»;

Москва; 2011

ISBN 978-5-91848-005-2

Аннотация

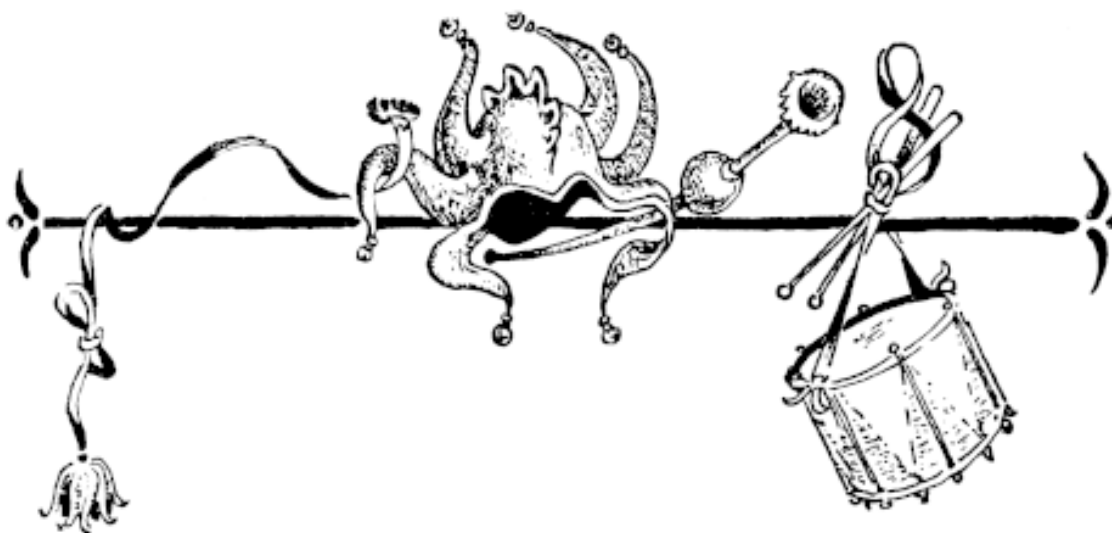
Главный герой повести – 12-летний голландский мальчик Кеес, который жил в осажденном испанскими войсками городе Лейдене в 1574 году. Во время опасного путешествия с особым поручением из Лейдена в Роттердам ему и его друзьям – цирковому артисту Караколю, девочке Эле с загадочной судьбой, мальчику по кличке Рыжий Лис – выпадает немало приключений. Калейдоскоп реалий XVI века, неожиданные повороты сюжета, запутанная интрига и элементы детектива делают чтение познавательным и увлекательным и для детей, и для взрослых.

Содержание

ГУДЕН ДАГ – ЗДРАВСТВУЙТЕ!	4
Часть первая	7
ЗНАМЕНИТЫЙ ГОРБУН КАРАКОЛЬ	7
КТО ОТДЫХАЕТ В ДЕРЕВНЕ ЛИССЕ	14
ПОДВАЛ «ПОД СЕМЬЮ ЗАМКАМИ»	18
ПЛАТОК ЭГЛАНТИНЫ	21
ПИСЬМО	25
ЭЛЕ, Я И ТЮЛЬПАНЫ	29
ВЫЛАЗКА	32
К БОЮ, ТЮЛЬПАНЫ!	36
СЕРЖАНТ КОПЕЙЩИКОВ ГОТЕСКНЕХТ	40
«ЯИЧНЫЙ ОГОРОД»	44
Часть вторая	49
СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Константин Сергиенко
Кеес Адмирал Тюльпанов
Опасные и забавные приключения
юного лейденца, а также его
друзей, рассказанные им
самим без хвастовства и утайки

ГУДЕН ДАГ – ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Тирли-тарли-тирилет,
начинать мне или нет?

Отец мне всегда говорил: «Поменьше болтай, сразу приступай к делу». Но тут уж такая длинная история, что заранее пересыхает в горле.

Подождите, отдохну,
а потом уже начну.

Это уже мать говорила: «Если коленки дрожат, лучше присядь да соберись с духом».

Ну так вот, один чудака
написал вам кое-как
про свое житье-бытье,
и не только про свое.
Почитайте, полистайте,
за окошко не бросайте.

Лари-дари-ларидас,
Начинается рассказ!

А еще мне говорили так: «Если уж рот раскрыл, то сначала поздоровайся». Так я и сделаю.

Здравствуйте все, кому не лень читать книжки! А кому лень – тоже здравствуйте, потому что, хоть вы и заснули на первой странице, я все равно вам приснюсь и так ущипну, что вы подскочите до потолка и закричите «мама!».

Так что не будем тянуть время, давайте знакомиться. Я Кеес Адмирал Тюльпанов, и вы обо мне слышали. А если не слышали, значит, уши у вас заложило, когда дул ветер с моря.

А может, Як Фрост – январский морозец, забрался к вам в нос и вы так расчихались, что не услышите даже пушку? А может, вас кто-нибудь вывалил в снег и вы простудились? Или провалились в прорубь, когда катались на коньках? Во всяком случае, не надо лить слезы, как девчонка. Я тоже проваливался, а толстый Михиелькин даже два раза, потому что он очень тяжелый.

А вы любите кататься на коньках? Есть быстрые конечки фрисландские, прямые, с носами, похожими на голубиный клюв, а есть верткие конечки голландские, загнутые, как поросычий хвостик. Есть деревянные и железные, есть даже из рыбьей кости, а говорят, бывают серебряные с золотыми пряжками.

Так любите вы кататься на коньках? У нас в Голландии все катаются. Выйдешь из дома, и прямо перед тобой лед – это канал замерз. Можешь ехать куда захочешь, потому что на другой улице тоже канал или канавка. Не знаю, как у вас, а в наших краях любой малыш сначала встает на коньки, а потом уж на ноги. Даже поговорка есть такая.

Так вы говорите, что обо мне не слышали? Продуйте уши. Повторяю, я Кеес Адмирал Тюльпанов, и не про коньки вам тут собрался рассказывать. Потому что, если бы в коньках дело, не стал бы я разговаривать. Становитесь рядом, и бежим до той мельницы – кто первый. Думаю, пришлось бы вам туго.

Так что с коньками все ясно.

Еще могу с вами поплавать наперегонки или побороться. Посмотрим, чего вы стоите. Можно бросать ракушки – кто дальше или погонять мячик из старой тряпки. А могу сочинить про вас песенку, так что будете хохотать до упаду или, наоборот, надуетесь, это кому как нравится.

Люблю сочинять разные песенки. Про многих я сочинил и даже чуть не пострадал, когда за мной погнался испанский солдат. Он просто посинел от злости, когда я спел:

А где твой Филипп —
испанский король?
Бим-бам, траля-ля-ля!
Штаны его съела моль,
а крысы съедят короля!

Сначала он кинул в меня пивной кружкой, а потом вскочил, чтобы догнать, но сразу растянулся, потому что я связал его шнурки, когда собирал под столом кости для собаки. Ха-ха! Разве я стал бы петь просто так? Плохо вы меня знаете! Я и в мушкет ему насыпал песку, это на тот случай, если захочется пострелять.

Просто удивительно, что вы обо мне не слышали. Я понимаю еще взрослых, у которых своих дел по горло. Какой-нибудь трактирщик с брюхом на две рубахи или тощий монах, которого моль съела. Но нам-то с вами всего второй десяток и в ушах еще не набилась солома!

А может, вы вообще ничего не слышали, какие тут дела творятся в нашей стране? Как испанцы грозились сжечь Нидерланды, а нас всех отправить на небеса за то, что мы не хотим подчиняться ни их королю, ни их вере?

Многих они убили, сожгли и повесили. У нас в Лейдене столько я видел костров, что уже издали по запаху различал, что жгут человека. А в Хаарлеме, где жил мой дядя Гейберт, всех перерезали, даже вода в каналах стала красной от крови.

И вот мы восстали. Впереди всех были гезы. Если вы не сильны в голландском, то я объясню. Гезы – это значит оборванцы, так называли противников короля. Были среди них и бедные и побогаче, но все ненавидели Филиппа и его инквизицию.

Отчаянные, скажу я вам, люди эти гезы. Воюют они и на суше и на море. Нож в зубы – и вплавь за испанцем. Да здравствует гез!

Мы гнали испанцев из всех провинций – Зеландии, Фландрии, Брабанта, Фрисландии, Голландии – Южной и Северной, чтоб все Нидерланды жили свободно. Но было это не просто. Они вернулись и осадили многие города. А наш Лейден пытались взять дважды. Но вы все это, наверное, знаете? Зря я вам только расска зываю.

А если знаете, значит, и обо мне слышали. Потому что про меня даже в книге написано. Она у меня есть, эта книжка, в кожаном переплете с медной застежкой, которая блестит, как золото, если почистить мелом. Заглавие у нее длинное, даже не выговоришь, а написал ее ученый-хронист господин Ян Фрейтерс.

Я вам сначала одно местечко прочитаю, вот тут в самом конце, где рассказано про последний день осады:

«Когда 3 октября 1574 года занялся мгlistый рассвет, и в Лейдене и в войсках, шедших на помощь, воцарилось тревожное угрюмое ожидание. Осажденные думали, что испанцы готовы к штурму через рухнувшую ночью стену. Шедшие на помощь были уверены, что испанцы уже взяли город, подтверждением тому в их глазах был ночной грохот и зиявший утром провал в стене. Внезапно увидели, как на бастионе форта Ламмен показался мальчик и, сняв шляпу, стал размахивать ею...»

Ага! Это и был я! Все меня видели, да не все знают, как было дело. Когда господин Фрейтерс приехал в Лейден собирать рассказы про осаду, сказали ему и про меня. Хорошо еще, застал меня в городе, а то я уже собирался в Амстердам устраиваться юнгой на корабль. Поговорили мы с этим хронистом. Особенно я не привирал и старался говорить правду, но он только чесал пером за ухом и бормотал:

– Уж больно ты хвастаешь, Кеес. Можно подумать, что ты один освободил Лейден.

Я ему сказал, что когда вру, мухи дохнут, а у него вон целых три на лысине и все живые. Но он и тогда не поверил, а когда написал свою книгу, оказалось, что в ней про меня всего несколько строчек.

До чего же чудны е эти хронисты! Про какого-нибудь маршала или графа напишут разные небылицы, а простому человеку лишней буковки жалко. Нам же, мальчишкам, совсем не верят!

Вот я и решил рассказать кое-что из того, чему не поверил господин Ян Фрейтерс. Пусть он, как раньше, чешет за ухом. Вы-то лучше меня поймете. Тридцать три якоря в бок, если что-нибудь сокру! Ну если только самую чуточку... Знаете, ведь иногда язык просто сам собой начинает загибаться не в ту сторону. Но обещаю: если замечу за собой, обязательно сам поправлюсь. Но в общем-то, вся эта история – чистая правда.

Я Кеес Схаак из Лейдена, с улицы Солнечная Сторона. Кеес Адмирал Тюльпанов. Я много вам расскажу, грустного и веселого. Слушайте да не засыпайте.

Часть первая К БОЮ, ТЮЛЬПАНЫ!

ЗНАМЕНИТЫЙ ГОРБУН КАРАКОЛЬ

Часть первая К БОЮ, ТЮЛЬПАНЫ!

В шестом часу утра я был уже на ногах. Подмел у дома, пучок соломы, потерянный на дороге, отнес на кухню, зимой пригодится.

Погрелся на солнышке, съел черствый рогтерброд, большой кусок ржаного хлеба, и побежал к Михиелькину.

Сегодня воскресенье, значит, не надо идти к Слимброку, не надо весь день щипать овечьи шкуры. Правда, и есть будет нечего. Слимброк дает за работу один рогтерброд и кусок вяленой рыбы. Ну ничего, есть у меня еще ячменный сухарь и кувшин отличной воды из городского колодца.

Зато воскресенье, и солнышко светит, как по заказу.

А Михиелькин, наверное, спит. Любит поспать Михиелькин. Неделю назад, в праздник росы, когда проспавших восход стегали зелеными ветками, здорово ему досталось.

– Вставай, Михиелькин! Вставай, соня! – закричал я. – Идут тебя бить дубовыми палками!

Михиелькин поворочался, что-то свалил и забурчал:

– Кончились ваши дурацкие праздники. Дайте поспать.

– Вставай, Михиелькин! – закричал я. – Разве не знаешь, что на площадь приехал горбун с медведем и сейчас будет представление!

– А? – сказал Михиелькин и зевнул. – Тогда ладно. Теперь я разбужу Боолкин.

Боолкин, сестра Михиелькина, и любит поспать не меньше его.

И вот мы втроем бежим по улице.

На площади перед Питерскерком, собором святого Питера, стоит маленький желтый фургон, запряженный собакой, такой огромной, лохматой, каких я не видел. Тут же сидит облезлый медведь и трет себя лапой. Рядом расхаживает маленький человечек с горбом. На нем фиолетовые штаны и дурацкий колпак.

– Почтенные горожане! – кричит он писклявым голосом. – Ду-ду-ду! – Это он дует в дудку. – Храбрые жители славного Лейдена! Послушайте историю знаменитого горбуна Караколя из деревни Водрез возле Бинша!

– Это ты-то знаменитый? – спрашивают из толпы.

– А почему бы и нет? Конечно, я! Разве вы не слышали о городе Бинше?

– Это где-то во Фландрии.

– А раз вы слышали о городе Бинше, значит, слышали о Караколе – горбатом метельщике, который победил великана Голиафа и спас принцессу Эглантину!

– Так ты метельщик? – спрашивают из толпы. – Где же твои метлы и веники?

– Да, я метельщик! – закричал горбун. – Я продавал веники и жил этим, пока не отправился путешествовать. Но дело не в этом! Я победил самого Голиафа. У него было восемь голов, неужели не слышали? Сначала я отрубил ему одну голову – рраз! Потом другую...

– Не знаем мы никаких великанов! – закричали в толпе. – Да еще с головами!

– Да ну? – удивился горбун. – Я путешествовал целых два года. Я был в Зеландии, где воды больше, чем земли, и в Лимбурге, где, наоборот, горы. Я объездил Гельдерланд и Фрисландию. Я был в Гронингене и Дренте, не говоря уже о Фландрии, где родился. И везде есть великаны – правда, разные. Но вот я приезжаю в Южную Голландию, в славный город Лейден, победивший испанцев, и мне говорят, что не слышали о великанах. Разве они у вас не встречаются?

– Нет, не встречаются, – сказали в толпе. – В соседних провинциях, может, и есть, но к нам они не заходят. Может быть, Дирк Корнелизон великан? Он ростом с полмачты. Или его дочка Роза? Она весит больше коровы, а ее башмаки, как футляр от скрипки. Может, они великаны?

– А сколько у них голов? – спросил горбун Караколь.

– По одной голове у Дирка и Розы.

– Нет. – Караколь щелкнул пальцами. – Это не великаны. У моего Голиафа было десять голов. Есть еще великан Гайян. У него тоже одна голова, но он выше любой горы. А есть Каменный человек, его не пробивает пуля. Я говорю правду.

– Всякое бывает, – сказал кузнец Сметсе Смее.

– И старый Помпилиус может это подтвердить! – закричал Караколь. – Встань, славный медведь, подтверди мои слова!

Медведь встал, поклонился и приложил лапу к груди.

– Помпилиус никогда не врет! – сказал Караколь. – Не пожалейте монету для старого Помпилиуса!

– Монету надо заработать, – сказали сзади, и я узнал голос Слимброка, моего хозяина.

Брр, я даже поежился! До чего надоел мне этот Слимброк. Не отдохнешь от него даже в воскресенье.

– За что же ему монету? – спросил Слимброк.

– За то, что он хорошо пляшет и говорит правду, – сказал Караколь.

Слимброк усмехнулся:

– Ну, пляшет – еще куда ни шло. А уж с правдой совсем плохо. Какая же правда, если ты врешь, а он подтверждает?

– Что-о? – У Караколя даже глаза округ лились. – Я вру?

– Вот-вот, – сказал Слимброк. – Сначала сказал, что у твоего Голиафа было восемь голов, а потом – десять. Так сколько у него было голов? Может, одна?

Караколь обиделся. Во всяком случае, у него был такой вид. Он даже руки заложил за спину и выставил ногу в фиолетовом чулке. Он сложил губы трубочкой и гордо сказал:

– Сколько ни было, все мои.

– Шулер ты, – сказал Слимброк. – Не было никакого Голиафа, я-то уж знаю.

Караколь совсем обиделся. Он подошел к Слимброку и, глядя на него снизу вверх, спросил:

– А ты все знаешь, почтенный горожанин?

– Да уж побольше тебя, – ответил Слимброк.

– Тогда скажи мне, кто отдыхает в деревне Лиссе, что в трех часах ходьбы от твоего дома?

Слимброк даже поперхнулся:

– В деревне Лиссе? – Мне показалось, что он растерялся. – В деревне Лиссе? – Глаза его остановились на девочке в розовом платье. – Что это на ней за платье?

– Какое платье? – Караколь удивился.

– Это платье моей дочери! – закричал Слимброк. – Они его украли!

– Побойся бога, – сказал Караколь. – Это платье я купил еще два года назад в Эйдаме.

– Воры! – кричал Слимброк. – Воры! Украли платье!

Девочка убежала за фургон, а Слимброк схватил Караколя за пояс. Но в это время большая собака рванулась вместе с фургоном и с рыком ударила грудью. Слимброк взмахнул руками и полетел прямо в канаву.

– На помощь! – закричал он. – Эй, ребята!

По мосту бежали с палками его работники.

– Смывались бы вы отсюда, – сказал Сметсе Смее. – Не могу за вас заступиться, потому что должен Слимброку десять флоринов.

– Еще два года назад, в Эйдаме... – бормотал Караколь, бегая вокруг фургона. – Такое старенькое...

– Ему от жадности померещилось, – сказал Сметсе Смее.

– Лучше бегите, – сказали в толпе. – Работники у него крепкие.

– Куда же бежать? – спросил испуганный Караколь. Девочка стояла у фургона, и по щекам катились слезы. Тогда я решился:

– Бегите за мной, я покажу, где спрятаться.

– Бегите за нами, – сказали Боолкин и Михиелькин.

Пока Слимброк вылезал из канавы, мы уже мчались по переулку. Обогнули церковь святой Марии, сделали зигзаг и выскочили на Господскую улицу. Пыхтел медведь Помпилиус, скрипели колеса, собака бежала высунув язык, а девочка в розовом платье держалась за край повозки, так и не выпуская из рук барабана.

– Я мог бы не удирать, – ворчал на ходу Караколь. – Помпилиус умеет постоять за друзей. Но что будет со мной, если он прихлопнет доброго горожанина, как муху?

По переулку мы бежали на Новую улицу, повернули, и вот мы уже на улице Солнечная Сторона.

– Это мой дом, – сказал я. – Въезжайте во двор.

– А что скажут твои родители, добрый мальчик? Мне и заплатить-то им будет нечем.

– Нет у меня родителей, – сказал я.

КТО ОТДЫХАЕТ В ДЕРЕВНЕ ЛИССЕ

Да, вот такая история. Живу я один с самой зимы. Отец мой исчез три года назад. Мне шел десятый год. Наверное, он утонул. Случилось тогда страшное наводнение. Дул сильный зюйд-вест. Море вспучилось и пошло на землю. Лопнули все плотины, хоть и держались на дубовых сваях, железных цепях и больших камнях. Только последняя, которую вода никогда не трогала, выстояла, а то бы совсем конец. «Соня» зовут эту плотину. Но «Соня» не проспала свой час.

Я кое-что помню. Сидим мы с матерью на какой-то крыше. Держимся за флюгер. Вокруг одно море. Торчат только трубы, шпицы соборов да кой-какие деревья. И в этом море пропал мой отец. Поплыл на лодке подбирать живых и не вернулся.

Говорят, снесло целые деревни. Они оказывались в другом месте, за много километров. Холодный был месяц ноябрь, волчий месяц.

Погибло сто тысяч народу. И среди всех мой отец, корабельный плотник Питер Схаак из Лейдена с улицы Солнечная Сторона.

Собрала моя мать все инструменты, положила в ящик. Сказала, что подождут меня. Что срублю я такой корабль, какого не успел отец.

Продали мы дом, хороший дом под черепичной крышей, и переехали в другой, под деревянной, на той же улице.

Когда в городе появился Слимброк, мать стала работать на него, щипала шерсть с овечьих и бараньих шкур. Слимброк разбогател сразу, потому что знал секрет голубой краски. До этого в городе не было голубого сукна. Стал и я помогать матери. Слимброк платил нам два штивера в день, на это не очень-то разживешься.

А осенью пришли испанцы. Они потребовали, чтобы Лейден сдался на милость короля Филиппа. Знаем мы эту милость. Вот так же они обещали милость Хаарлему и Наардену, а потом никого не оставили там в живых. Мы ответили испанцам пушками.

Четыре месяца они стояли у наших стен, но только прибавили своих могил вокруг города. Были и у нас убитые, а мать моя умерла от простуды и плохой пищи, когда уже пригревало солнце. Видел еще я свою тетку Марию. После осады Хаарлема она пришла рассказать, как убили дядю Гейберта. Тетка собиралась устроиться в деревушке Кронестей, что против Коровьих ворот, но после зимней осады тоже куда-то исчезла, может, убили и ее.

Так я остался один – ни матери, ни отца, ни родственников. Да и вокруг мало радости. Покажите мне дом, где семья в сборе. Кто пропал в наводнение, кого сожгли на площади, кто погиб в сражении, а кто умер дома от голода. Совсем невеселые времена.

Испанцев мы отогнали и думали, что пора налаживать жизнь: делать наше доброе лейденское сукно, варить крепкое пиво, продавать острый сыр с тмином, не вспоминать ни Филиппа, ни саму Испанию.

Слимброк теперь не давал мне денег, а только хлеб и рыбу. Целый апрель налаживал я хозяйство. Правда, Боолкин и Михиелькин мне помогали. Отца у них тоже ведь не было. Я вычистил двор и собрал на зиму коряги и щепки. Михиелькин принес большой кусок торфа, можно согреть в котелке воду.

В общем, не очень я унывал, хоть иногда и плакал в пустом доме. Но об этом никто не знает. И Караколь, которому я все рассказал, тоже не знает про мои слезы.

И вот мы сидим в нашем маленьком садике позади дома.

Караколь встал и громко сказал:

– Корнелис Схаак!

Я тоже встал.

– Корнелис Схаак! – сказал Караколь и так хлопнул меня по плечу, что я опять чуть не сел. – Корнелис Схаак, ты настоящий мужчина! Знакомься, Кеес. Это Помпилиус, ты уже знаешь. Родом из лесов Мюнстерланда.

Помпилиус ворчал и ловил на носу муху.

– А это Пьер из далекого монастыря Сен-Бернар. Нет собаки, которая его одолеет, а может, он побьет и кабана. Пьер, поздоровайся с Кеесом и его друзьями.

Пьер дал мне огромную лапу и осмотрел с ног до головы, как будто прикидывал, стоит ли со мной дружить. Нет, такой собаки я точно никогда не видел. Боолкин и Михиелькин тоже поздоровались с Пьером.

– А это наша барабанщица Эле, славная девочка, которую мы встретили у города Эйдама.

– Здравствуйте, фреле, – сказал я девочке. Она покраснела и что-то прошептала.

– Эле говорит, что она не фреле, – сказал Караколь. – Ты делаешь ей честь, считая, что она из богатой семьи. Но ты ошибаешься, дорогой Кеес. – Тут он понизил голос: – Ее родители значительно выше по происхождению, чем ты думаешь. Значительно выше! – повторил он важно и поднял палец. – Может, ты думаешь, что она дочь барона или графа? – Караколь выставил ногу, как на площади, и стал размахивать руками. – Или какого-то принца, может быть даже короля, владеющего целыми землями? Фи! Значительно выше, значительно!

Щеки у Караколя порозовели, глаза прямо сверкали. А я думал: кто же бывает выше короля? Может быть, император или китайский богдыхан?

Девочка Эле стояла с опущенной головой. Она откинула рукой светлые волосы и закусила губу. Ничего себе девочка. На соседней улице живет Таннекен, которой я подарил ракушку, но с Эле ее не сравнишь. Так и хочется дернуть за волосы или подставить ножку. Когда я вижу такую девочку, у меня просто какой-то зуд начинается, и я способен на всякие проделки.

Но у нее, оказывается, богатые родители. Не очень-то значит, дернешь за волосы.

Один раз я подшутил над Трейте, дочкой лавочника, сунул ей за пазуху живую лягушку. Так после этого Флипке, хозяйский приказчик, три дня дергал меня за уши, чуть было не оторвал совсем.

А почему же эта богатая девочка ездит в старом фургоне? Почему у нее нет слуги, как у Трейте, а всего только старое розовое платье, даже без передника?

– Но это тайна! – шепотом объявил Караколь. – Да, да! Не слишком-то я вам расскажу. И Эле вам не расскажет тоже, потому что умеет молчать, или, вернее сказать, не умеет разговаривать.

– Она немая? – спросил Михиелькин и шмыгнул носом.

– Девочка, может, немая, – сказала Боолкин.

– Те-те-те! – воскликнул Караколь. – Не такая уж и немая! Просто не хочет разговаривать по-нашенски.

– А как же еще? – спросил Михиелькин.

– Ого! – сказал Караколь. – Вот тут-то и кроется тайна! Но, чувствую я, придется мне рассказать. До чего любопытные ребята! Ну ладно, бим-бамс! Вы, конечно, знаете про город Эйдам?

– Знаем, – сказал я. – Туда отец ходил на заработки.

– А что вы знаете про город Эйдам?

– Там вкусный сыр с красной коркой, – сказал Михиелькин.

Боолкин подумала и сказала:

– Там живет человек с бородой до пола.

А я сказал, что там строят большие корабли.

– Все это мелочи! – объявил Караколь. – Разве в Лейдене нет сыра? Пусть с желтой коркой. А человек с бородой – что за невидаль! Только мешается под ногами. Да и корабли, где их только не строят – и в Амстердаме, и в Гоорне, и в Зандаме. Нет, вы мне скажите такое, чего нет ни в одном городе!

– Там нашли русалку с хвостом, – сказал Михиелькин.

– Вот! То самое! А что вы знаете про эту русалку?

– Нашли, и все, – сказала Боолкин.

– А что еще?

Мы сказали, что больше не знаем.

Караколь сделал три шажка в одну сторону, три в другую и сообщил с таинственным видом, что расскажет подробности о русалке.

– Так вот... После весеннего наводнения, когда вода уже схлынула, на поле среди коров ее и нашли. Привезли в город, собрался народ, стали судить да рядить. И вот что сказали эйдамцы: нет никаких русалок, пусть их выдумывают в Дренте и Гельдерланде. А здесь Голландия, страна плотин и мельниц, страна черных и белых коров, страна, сделанная нашими руками, поэтому не верим мы ни в какие чудеса... Они одели девочку в свою одежду, заставили ее шить, прясть, сбивать масло, подметать пол – делать все, что умеют голландские девочки. Эйдамцы неплохие люди, но они не верили в чудеса. И девочка стала шить, подметать, сбивать масло. Она всему научилась, но, увы, совсем не могла разговаривать по-голландски. Да, да! Чему-чему, а языку своему эйдамцы научить ее не смогли... Заметьте, – Караколь посмотрел на Эле, – у нее были голубые глаза, золотые волосы и розовые щеки.

– Это она? – шепотом спросил Михиелькин.

– Кто? Эле? – Караколь приложил палец к губам. – Тсс... Голубые глаза, золотые волосы и розовые щеки. Но та девочка жила давно, очень давно.

– И у нее нет хвоста, – пробормотал Михиелькин.

– Фи! Разве в хвосте дело? Хвост у русалки такая штука... как тебе сказать... отстегнул и выбросил. Важно другое: мы нашли Эле в том же месте, у Эйдама, после такого же наводнения, весеннего, и, что важнее всего – замечаете? – она ни слова, – Караколь понизил голос, – ни слова не говорит по-голландски.

Боолкин и Михиелькин во все глаза смотрели на Эле. А Караколь присел на корточки, лицо его стало совсем таинственным.

– Так кто же она, я вас спрашиваю, если не дочь Нептуна, повелителя всех морей? Или вы, как все голландцы, не верите в чудеса?

– Мы верим, – пролепетала Боолкин. – К нам весной прилетал тот же аист. Это хорошее чудо.

– Вот видите! – Караколь вскочил. – Тот же аист! А это та же, понимаете, почти та же морская девочка. Наверное, младшая ее сестричка. И что вы думаете, я повел ее к добрым эйдамцам, чтобы они снова заставили ее подметать, сбивать масло? Ну уж нет! Пусть живет на свободе, пока море опять не придет за ней, правильно я говорю?

Какая чудная девочка! Она не говорит по-голландски. Ее нашли на берегу после наводнения. Откуда же она взялась? Может, и есть на свете русалки, тогда чем они отличаются от обыкновенных девочек? Можно ли их, например, пихнуть или, наоборот, подарить ракушку? Хотя зачем русалке ракушка, – в море их полным-полно.

Эх, если бы рядом был отец! Он каждое лето работал на эйдамской верфи и все знал про корабли, море, русалок и даже Нептуна.

– Да, да! – говорил Караколь. – Хорошо еще, она не попала к такому человеку, как этот суконщик. С утра до вечера заставлял бы ее работать. Чего это он вздумал отнять у нас платье? Я говорю, что купил его давным-давно, оно уже на тряпки годится. Даже испугал Эле. Эле,

чего ты испугалась этого господина? – Караколь придавил кончик носа, вытаращил глаза и сразу стал похож на Слимброка.

Эле опустила голову и прошептала:

– Огневик.

– Огневик? Опять Огневик! Что за притча, уже не первый раз это слышу.

– Девочка совсем не немая, – сказала Боолкин.

– Ну это известно, – заметил Караколь. – Она и другие слова знает. Например, имя. Вы думаете, я сам его выдумал? Иногда даже песни поет, только по-своему. В конце концов, должен быть у русалок свой язык?

Караколь наморщил лоб.

– А розовое платье... Зачем ему платье? Кажется, он просто не хотел услышать ответ на мой вопрос.

– Какой вопрос?

– Да я спросил, кто отдыхает в деревне Лиссе, что в трех часах ходьбы от Лейдена.

– А кто там отдыхает?

– Да много людей, – сказал Караколь. – Много лошадей, повозок и пушек.

– А кто эти люди? Гезы?

– Думаю, нет. Валлоны, немцы, испанцы.

– Что? – Я даже подскочил. – Испанцы? А много там испанцев?

Караколь сложил губы трубочкой и подумал.

– Я думаю, тысяч десять, не меньше.

– А куда они, а куда... – дрожащим голосом начала Боолкин.

– Да в том и дело, что сюда, к Лейдену.

– Ай! – вскрикнул Михиелькин. – Ай!

– Ой! – завопили мы хором и выскочили на улицу. – Испанцы идут! Испанцы! – кричали мы изо всех сил.

ПОДВАЛ «ПОД СЕМЬЮ ЗАМКАМИ»

В тот же день испанцы обложили город. Били колокола на соборах. Бежали испуганные горожане. Комендант скакал на блестящей от пота лошади и размахивал шпагой. К Бургундской башне тащили котел, чтобы плавить свинец. У Коровьих ворот на костре кипела смола.

Все проклинали свою беспечность. С тех пор как ушли испанцы, никто и не думал о новой осаде. И вот они снова здесь.

Мы побежали на башню Хенгиста. В древние времена здесь был целый замок, а теперь оста лась круглая зубчатая стена шагов двести в поперечнике. Наверху растут дубы и боярышник. Отсюда как на ладони видны окрестности. Над Лейдердорпом уже колыхался красно-желтый испанский флаг. Отряды солдат шли во всех направлениях.

Мы посмотрели в сторону моря: у Белых ворот строились осадные укрепления. Даже на северной стороне конный дозор гнался за какой-то повозкой.

– Конец, – сказал кто-то, опуская подзорную трубу. – Теперь и мышь не проскочит.

– Проклятье! – сказал кузнец Сметсе Сметсе. – Разве не я говорил, что с ними не кончено? Вы думали, если в город пришла рота гезов, то Филипп помер от страху? Что теперь делать, растяпы? Где продовольствие? Где оружие?

– Оружие надо спросить у тебя, – сказал кошатник Гигеллер. – В моей кладовке только кошачьи хвосты.

– Клянусь Артевельде, ты прав, Гигеллер! Нам остается воевать только кошачьими хвостами. В моей кузнице нет ни полоски железа. Одно название – кузнец-оружейник.

– Они не пойдут на приступ, – сказал кто-то.

– Тем хуже для нас! Через месяц будем обдирать кошек вместе с Гигеллером. Кто видел, чтоб нам привозили муку и рыбу?

– Никто, – ответили горожане.

Солдаты за городом не теряли времени. С повозок тащили камни, прутья и доски, мешки с песком. Народу на башне все прибывало. Подзорную трубу передавали из рук в руки.

– Уже два десятка редуты, – сказал кто-то.

– Их будет не меньше полсотни, – заметил Сметсе Сметсе. – Они возьмутся за дело живее, чем в прошлый раз. Смотрите, а это немецкие рейтары!

Вдали рысью скакал отряд всадников в черном. Белые перья на их шлемах развевались.

– Плохо дело, – сказал Сметсе Сметсе. – Рейтары хорошо обучены. Трудновато будет на вылазках. Они стреляют в упор. У них такие большие тяжелые пистолеты, не то что испанские хлопушки. Ох-хо-хо! Вот бы мне парочку пистолетов, да хороший мушкет, да прочный швейцарский кинжал, – повоевал бы кузнец Сметсе Сметсе!

– Значит, это и есть Сметсе Сметсе? – спросил меня Караколь.

Он сидел между зубцами башни и раскачивал ногой.

– Досточтимый кузнец, – сказал Караколь, когда я позвал Сметсе Сметсе, – ты слышал когда-нибудь про Пауля Бейса?

– Кто же не слышал про Пауля Бейса? – сказал Сметсе Сметсе. – Это наш лейденский адвокат, враг короля и друг принца Вильгельма Оранского по прозвищу Молчаливый. А я, дружок, не только слышал, но и водил с ним знакомство. Бейс собирался отрастить живот вроде моего, а мы бы охотно приняли его в «Общество толстяков». Я ведь там председателем.

– Ну ясное дело, – сказал Караколь. – Ты и есть Сметсе Сметсе. Пауль Бейс просил передать тебе письмо, но я его съел.

Сметсе выпучил на него глаза.

– А ты что думал? – спросил Караколь. – Если хватает испанский патруль, куда исчезает письмо с печатью в виде нищенского колпака?

Сметсе удивился:

– Зачем такая печать? Это все равно что идти по дороге и кричать: «Я гез!» А что было в письме?

– Желудок у меня не просвечивает, – важно сказал Караколь. – Но Бейс просил передать на словах, если с письмом не выйдет.

– Что он просил?

– Всего три слова: «Под семью замками».

– Ого! – сказал Сметсе Смее. – Понятно! А ну-ка за мной, ребята! Посмотрим, что приготовил нам этот умник Пауль Бейс.

Мы быстро пошли за Сметсе.

– Ну вот, – сказал Сметсе Смее. – Здесь дом Пауля Бейса. А это подвал «Под семью замками». Давным-давно, когда дела еще шли неплохо, я просил Бейса уступить мне этот подвальчик. Сделал бы в нем хорошую мастерскую. Но Бейс там держал какие-то вещи, а уезжая, сказал, что в подвале есть кое-что интересное и можно пустить это в дело. Так я понимаю, время пришло... Эглантина! – крикнул Сметсе Смее. – Эй, Эглантина!

Тут Караколь подпрыгнул, как будто его укололи, и сделал шаг в сторону.

– Ты что? – сказал Сметсе Смее. – Чего испугался? Эглантина – племянница Бейса, разве не знаешь? Славненькая такая девушка... Эглантина! – крикнул он снова. – Видно, нет ее.

Караколь стоял какой-то растерянный и хлопал глазами.

– Ну ладно, – сказал Сметсе. – Кеес, махни через ограду. Увидишь старый цедильный камень, возьми под ним ключ. Думаю, он там и лежит. Эглантина в этом ничего не смыслит, а раз Пауль прислал гонца, мне и карты в руки.

Я нашел ключ, Сметсе открыл, и мы оказались в просторном подвале со сводчатым потолком. Пыльный луч света падал сверху. В полутьме я сначала не разобрал, что навалено вдоль стен.

– Клянусь Артевельде, – Сметсе чуть не подпрыгнул на месте, – это оружие! Я так и думал! Уж больно он любил эти игрушки! И, бьюсь об заклад, это не ржавая гниль какого-нибудь подмастерья. Налетай, ребята!

Ох, сколько здесь было оружия! Сначала мы просто остолбенели, а потом Михиелькин заурчал и стал хватать что попало.

Вдоль стен рядами стояли тяжелые мушкеты, красивые аркебузы, похожие на длинные скрипки. На досках лежали пистолеты. Грудами стояли мечи и шпаги, секиры, копыя и протазаны. Тускло блестели доспехи и шлемы.

– Да, братцы, – возбужденный Сметсе расхаживал по подвалу, – здесь хватит добра, чтобы увешать моих толстяков с ног до головы! Клянусь, ни одной шпаги не достанется хилой городской страже! Соберу отряд пузанов, и поглядим, чего стоят против нас тощие испанские монахи! А теперь выбирайте себе по одной штучке, пока я добрый, – сказал Сметсе Смее.

Михиелькин сразу схватил саксонский кинжал. Очень ему понравилась эта занятная штука. Нажмешь на кнопку, из клинка выскакивают еще два и торчат в разные стороны, как трезубец. Михиелькин щелкал и смотрел, как из одного лезвия получаются три.

– Бери, бери, – разрешил Сметсе Смее. – Ты плотный парнишка. Вот подрастешь, наберешь весу, примем в «Общество толстяков».

А я присмотрел трехствольный голландский пистолет. Небольшой и тяжелый, он весь сверкал перламутром. Вот научусь его заряжать и буду палить по испанцам.

– А ты что же, приятель? – спросил Сметсе Смее.

– А мне не надо, – сказал Караколь. – Я умею играть на дудке и роммельпote¹. Умею смешить. А с этими штуками не до смеха.

– Как знаешь, – сказал Сметсе. – От смеха, конечно, тоже можно лопнуть, как шут Пьеркин. Только король Филипп никогда не смеется.

¹ Роммельпот – голландский национальный инструмент.

ПЛАТОК ЭГЛАНТИНЫ

Испанцы не шли на приступ. Похоже, решили взять нас измором. Сначала они были вежливы. Прислали письмо от имени глипперов – предателей, воевавших на их стороне. Наверное, среди глипперов были и лейденцы, потому что в письме обращались ко многим горожанам. Глипперы советовали пожалеть женщин и детей – это нас-то! – обещали жизнь и призывали открыть ворота.

Только никто им не верил – ни глипперам, ни испанцам. В ответ мы послали всего одну фразу: «Манок сладко поет, когда птицелов зазывает птичку».

Вечером начиналась перебранка у стен. Испанцы пускали из арбалетов стрелы с лягушками и дохлыми крысами. Наши отвечали выстрелами, иногда меткими. Раза два от стен оттаскивали раненых.

– Эй, валлоны! – кричали мы. – Бросьте воевать за Филиппа! Разве мало он пограбил ваши земли? Где ваш весельчак Жак Нивель? Пусть посмеется над королем, как наш Тиль Уленшпигель!

– Эй, немцы! – кричали мы снова. – Лучше приходите косить траву, как братья Ханнекемайеры! Получите молоко и деньги, а не свинец в живот.

Наемники не отвечали. Им все равно, даже когда их дразнят. Дело наемников выполнять приказы, воевать и грабить, а больше им ничего не нужно.

Жизнь у нас в городе стала такая же, как два месяца назад. На улице много вооруженных людей. Сегодня утром по Бреестраат с криком и пением прошел отряд «могучих толстяков». Блестели шлемы, латы и оружие. Били литавры, дудели дудки и волынки. Такие шествия бывают у нас нередко. То «Клуб болтунов» отпразднует свою годовщину, то «Общество небогатых», то «Братство мушкетеров». У каждой компании свои порядки, но обязательно собственный гимн, шут, казначей и знамя.

Впереди толстяков на рыжем осле ехал сам «председатель» Сметсе Смее. На коленях у него лежал мушкет, за поясом торчали пистолеты, над головой он держал огромный двуручный меч в два моих роста. За Сметсе шли все, у кого живот был не меньше чем в два обхвата. А у трактирщика Бибулуса, быть может, и в три. Толстяки размахивали оружием и орали во всю мочь:

Костлявые испанские бродяги, хи-ха!
Не уцелеть вам в этой передряге, хи-ха!

На работу к Слимброку я не пошел. Ясное дело, кроме затрешины, ничего от него теперь не получишь, я ведь помог его обидчику. Да, может, и нет никакой работы. В прошлую осаду Слимброк трудился дня три, а потом куда-то исчез. Этому, правда, никто не удивился: зимой у нас мало работают из-за холодов.

У Караколя в фургоне нашлось несколько кругов сыра и сухари, так что мы не голодали. К тому же бургомистр Бронкхорст обещал раздавать продовольствие.

Хуже приходилось Помпилиусу и Пьеру. Их не накормишь одним сыром. Каждое утро я бегал в трактир «Красная кружка» к Бибулусу и собирал огрызки и кости.

Помпилиус и Пьер обедали вместе. Они никогда не ссорились, и мне казалось даже, что Пьер подвигает лапой мясо медведю. Помпилиус смотрел на него добрыми глазами, нерешительно брал кусок и ел. Потом он опускал голову и стыдился, что съел больше, хотя размеров они были почти одинаковых.

Боолкин учила Эле разговаривать по-голландски. Боолкин принесла свою куклу, сделанную из тряпки. Кукла была вся голубая: я опустил ее в чан с краской у Слимброка. Они купали куклу, заворачивали ее в белые тряпочки, а Миخیелькин все щелкал своим саксонским кинжалом.

Сначала я тоже не расставался с пистолетом, но потом надоело его таскать – уж очень тяжелый.

Караколь рассказывал всякие истории, но каждый раз дело кончалось Голиафом, хотя все время по-разному. Сегодня он, например, сказал, что попал Голиафу стрелой в глаз. Кроме того, у Голиафа теперь была всего одна голова.

Караколь бегал по комнате, размахивал руками, подпрыгивал, показывал, как схватил великана за шею, и вообще очень волновался. Смотреть на него было интересно. Правда, Миخیелькину не нравился Голиаф с одной головой.

– А где ты видел Голиафа хотя бы с двумя голова ми? – спрашивал распаленный Караколь.

– Сам говорил, – бормотал Миخیелькин.

– Я тебе говорил? Значит, оговорился. Он обыкновенный, понимаешь, обыкновенный великан, только очень большой. Он жил в предместье Брантеньи... Да разве дело в головах? – Караколь снова забегал. – Я спас принцессу, понимаешь, принцессу!

По его словам, выходило так. Караколь жил в одной деревне. По-местному «караколь» значит «улитка». Его даже дразнили:

Улитка, улитка,
высуни рога,
дам тебе за это
ломтик пирога.

Если бы, например, меня дразнили, то я бы не стерпел, а Караколь почему-то не обижался. А был там еще один горбун, который служил у барона де Бинша дворецким. Горбуна

этого прозвали «Бистеколь». Так вот этот Бистеколь невзлюбил Караколя, он просто люто его ненавидел и все хотел сжить с белого света. Я точно не помню за что. Вроде бы за то, что у Караколя был такой же горб, но это не сделало его злым. А добрых Бистеколь ненавидел.

В общем, Бистеколь гонялся за Караколем. Устраивал ему разные ловушки, но попадал в них сам, а Караколь выручал его по доброте душевной. В конце концов Караколь ушел из родных мест. Взял с собой медведя и собаку и стал бродить по земле Нидерландов, зарабатывая представлениями.

А тут в их местах объявился великан Голиаф. Голиаф этот собрался жениться на одной принцессе, но принцесса очень не хотела, потому что Голиаф был страшный и, как я понимаю, для нее великоват. Ну, а Караколь победил этого Голиафа. То ли стрелой его уколошил, то ли голову отрубил – в общем, спас принцессу.

А Бистеколь, тот злой старикашка, присвоил победу себе и собрался жениться на принцессе. Дальше у Караколя шла такая чехарда, что я никак не мог понять, чем кончилось дело. Но всякий раз Караколь говорил, что обязательно женится на принцессе, только вот добраться бы до родных мест.

– А кто не верит, – говорил Караколь, – пусть отправляется в город Бинш на масленицу. Пусть спросит трактирщика Симолле, тот все ему расскажет. А во вторник может и сам посмотреть. Там целый карнавал в честь освобождения принцессы. Все одеваются горбунами, пляшут и поют. Все знают метельщика Караколя и принцессу Эглантину!

– Принцессу зовут Эглантина? – спросил я. – Так же, как племянницу этого Бейса?

– А как ты докажешь, что спас принцессу? – спросил Михиелькин. – Может, все верят Бистеколю.

– У меня есть доказательство, – важно сказал Караколь.

– Какое, какое? – спросили Боолкин и Михиелькин. Караколь расстегнул пуговицы своей куртки, потом рубашки. Делал он это медленно и серьезно.

– Вот!

В его руке мы увидели красивый белый платок. Наверное, он был из тонкого батиста, потому что просвечивал и спадал легкими складками. Караколь держал платок за кончик.

– Это платок принцессы, – сказал Караколь. – Она подарила его своему спасителю. – Караколь взял платок за два конца я поднес к лицу. – Ах, какой аромат! – Караколь закрыл глаза.

– Дай понюхать, – сказал Михиелькин.

– Какой аромат! – Караколь дал понюхать. – Тут даже есть ее имя. Смотрите, на уголке вышито...

Я было собрался посмотреть, но услышал, как на улице кто-то спросил: «Здесь дом Корнелиса Схаака?» Я приоткрыл дверь и увидел девушку, круглолицую, с розовыми щеками, в коричневом шелковом платье.

Я кашлянул и сказал, чтобы голос был погуще:

– Корнелис Схаак – это я.

Но она смотрела поверх моей головы. Потом всплеснула руками, так что зазвенели какие-то штучки на запястьях, и радостно сказала:

– Караколечка!

Я обернулся. Караколь стоял с глупым лицом. Он прямо остолбенел. Платок в руке, куртка так и расстегнута, глаза хлопают.

Девушка вошла в комнату, скинула легкие башмачки, как полагается, и сразу затараторила:

– Караколечка, дорогой! Мне Сметсе сказал. Что же ты не приходишь? Дай я тебя поцелую... Что ты такой растрепанный?

Она стала застегивать ему пуговицы и говорила, не переставая:

– А Сметсе сказал: если бы знал, что ты от дяди, обязательно заступился. Тебя не ударили? Это Кеес? Какой хороший мальчик. А я Эглантина Бейс, здравствуй, Кеес. А это твои друзья? Ой и медведь! Караколечка, откуда ты взял медведя? А Пьер как поживает, он во дворе? Что слышно от дяди?

Караколь не сказал еще ни одного слова. Он только покраснел и стал засовывать платок в карман.

– Ой, что это у тебя? Да это мой платок, Караколечка. Ты где его нашел? Такой хороший платок, а я все думала: куда же он задевался? Давай сюда, спасибо тебе, Караколечка. Всегда ты находишь мои вещи... – Она сунула платок за передник. – А дядя что? Ты привез от него письмо?

– Я его съел, – мрачно сказал Караколь. Она всплеснула руками:

– Съел письмо? Как же это?

Я объяснил:

– Там печать такая, как у гезов. А его поймали испанцы. Вот он и съел.

– Господи боже мой! Ты не испортил желудок?

– Ничего, – снова сказал Караколь. Он становился все мрачнее.

– Ты почему грустный, Караколечка? Ты не заболел? Чем вы тут питаетесь? Приходите ко мне, накормлю мясом. Караколечка, ты почему сразу не пришел? Обязательно приходи, расскажешь про дядю. Ты ведь его недавно видел? – Она достала платок. – Ах, запах еще сохранился! Это ведь первый платок, который я сама вышила.

– Возьмите ваш платок, – пробурчал Караколь.

– Ты что там бормочешь? На «вы» меня назвал? Или мне послышалось? Ах, Караколечка, милый! Такой худенький... Приходи обязательно завтра же, нам ведь есть что вспомнить. Придешь? Все приходите. У меня есть лакомства. Мужчинам копченый уж, а девочкам испеку олеболлен, пальчики оближете. Так я жду, Караколечка!

Она убежала, пощелкивая башмаками, а мы сначала сидели молча. Потом Михиелькин сказал:

– Принцесса это, что ль, никак не пойму.

ПИСЬМО

Конечно, это была не принцесса, а просто Эглантина, племянница того Бейса, который еще прошлым летом уехал помогать принцу Вильгельму собрать войска против испанцев. Только имя у нее было такое же, как у принцессы.

Сначала Караколь просто сидел и цедил сквозь зубы:

– Караколечка, Ка-ра-колечка... Никакой я вам не Караколечка...

Потом он забегал по дому и стал так кричать, что, наверное, было слышно на улице:

– Возьмите свой платок, Эглантина! Вы не принцесса! Принцессы не отнимают свои платки, они, наоборот, их дарят! «Караколечка»! Никакой я вам не Караколечка!

Он подскочил к Михиелькину и стал кричать на него, как будто это была Эглантина:

– Вы, может, думаете, что я украл ваш платок?

– Я не думаю, – пролепетал испуганный Михиелькин.

– Тогда почему вы схватили свой платок, едва я достал его из кармана? Даже не из кармана! Я носил его на груди, ваш дурацкий платок, но он того не стоит! Вы, может, думаете, что я служил в вашем доме, чтобы воровать платки? Три года забавлял вас разными сказками, чтобы стащить этот никудышный батистовый платок? Почему вы называете меня «Караколечкой»?

– Я и не называю, – сказал совсем уж перепуганный Михиелькин.

– Я старше вас на пять лет, да! Мне ваши «Караколечки» ни к чему. Я делал для вас все, а вы, вы... – Караколь запинаясь. – Вы не могли оставить мне этот платок, единственную память о наших, о вас... Вы не принцесса! Принцессы не отнимают свои платки.

Он сел, тяжело дыша, а мы все молчали, испуганные.

– Ребята, – сказал он потом, – извините меня. Мне так грустно, так грустно...

Весь следующий день Караколь ходил как потерянный. Он вздыхал, садился, вставал и снова ходил.

– Ах, Эглантина, – бормотал он, – Эглантина... Иногда он останавливался и говорил уже громко:

– Возьмите ваш платок, вы не принцесса!

Вечером пришел сияющий Михиелькин и протянул Караколю грязноватый комок.

– Что это? – спросил Караколь.

– Такой же платок, как у этой, у... как ее... – сказал Михиелькин. – Я стащил его во дворе у Монфоров, там много таких, все сушатся на веревке.

Караколь потрепал его по щеке и велел отнести обратно.

– Ты же видишь, на нем нет вышивки, – сказал он грустно.

Потом он спросил у меня:

– Кеес, ты был когда-нибудь влюблен? Я ответил:

– Конечно. Еще сколько раз! В Гретель, Розу и Таннекен.

– А что ты делаешь, когда влюблен?

Я сказал, что ничего особенного. Ножки подставляю, дергаю за волосы, а Таннекен подарил ракушку, но зря, потому что она загордилась. Теперь я хочу подкинуть ей живого ужа. Вообще с девчонками надо построже, иначе они начинают воображать и тогда на них не найдешь управы.

– Это правильно, ох как правильно, – сказал Караколь. – А ты когда-нибудь объяснялся?

Я ответил, что нет.

– Вот то-то и оно, брат.

Утром Караколь достал гусиное перо, чернильницу и бумагу. Целый час он расхаживал и бормотал под нос, а потом уселся писать. Он долго старался, даже язык высунул. Наконец

позвал меня, сказал, что будет читать письмо, а я должен слушать, как будто бы я Эглантина. Можно было бы прочитать Боолкин и Эле, все-таки они девочки, но, как ему кажется, я больше их разби раюсь.

Караколь встал и торжественно начал:

– «Эглантина, Эглантина! Если бы я умел писать письмо, я написал бы письмо. А так я пишу просто так. Если вы думаете, что я украл платок, то это неправда. Я просто его взял, поэтому не украл. Я взял его потому, что он ваш. А так он мне не нужен. Я носил его на груди, где ваше имя. Эглантина, Эглантина! Зачем мне платок, зачем? Я просто без него не могу. Отдайте платок, не такой уж он дорогой...» Ну как? – спросил Караколь.

Я сказал, что здорово, но непонятно. То отдайте платок, то – зачем мне ваш платок.

– Да это же объяснение, – сказал Караколь, – как ты не понимаешь! Объяснение в форме платка.

А я сказал, что на объяснение совсем не похоже. Объяснение пишут стихами, и называется оно «мадри гал». Я уже два раза помогал писать объяснение чесальщику Симону, когда тот ухлестывал за рыженькой Барбарой.

– Ты думаешь, стихами? – спросил Караколь. – Ну ладно, подожди часок, сейчас попробую.

Но старался он не час, а целых два. Лоб у него даже вспотел.

– Слушай! – сказал Караколь. – Мадригал!

Прекрасная Эглантина, чудесная,
очень платок у нее красивый.
Люблю, как увидел, с первого взгляда,
замечательный этот платок...

Дальше шло в том же духе. Я сказал, что так не пойдет, стихи должны быть с рифмой. А кроме того, чего сваливать на платок? Надо прямо говорить и чтоб слова были красивее. На то и мадригал.

– Да что ты пристал? – закричал Караколь. – Пишу, как умею! Сам попробуй, если такой умный.

Взялись мы за дело вместе. Долго спорили. В конце концов у нас получилась такая штука:

МАДРИГАЛ

Я вас люблю, принцесса Эглантина,
хоть и принцесса вы не до конца,
но вы почти принцесса, Эглантина,
прекрасней нету вашего лица...

Я, конечно, в сто раз мог лучше сочинить стихи, но Караколь придирался к каждому слову, поэтому так и получилось.

– Теперь отнесешь письмо, – сказал Караколь. – Скажешь, что прийти я не смог – заболел. Или нет: лучше – занят.

Я намекнул на копченого ужа и олеболлен. Но Караколь только махнул рукой.

Ну я и пошел.

На двери у Бейсов висел колокольчик, я позвонил. Открыла сама Эглантина и сразу спросила:

– А где остальные? Входи, Кеес. Где Караколь? Скоро придет? Ну входи, входи, башмаки скидывай, сейчас пирожки будем жарить.

Я объяснил все, как положено. Эглантина сразу стала серьезной. Она взяла письмо, села к окну и стала читать.

Да, этот домик не чета моему. Отсюда видна комната, за ней другая, а там еще третья. На стенах картины. Рядами висят тарелочки с синим рисунком – наверное, дельфтский фаянс. У нас была одна такая, да мать разбила. На столе с гнутыми ножками в большой белой вазе букет роз. У камина маленький ящичек с торфом – грелка для ног, – красивая штука с медным узором.

Прямо против меня огромное зеркало с завитушками по бокам. Я показал себе язык. Человек в зеркале мне понравился, только одет неважно.

Я еще раз показал язык. Человек в зеркале тоже показал. Интересно, есть зазеркальный мир?

Пока я разглядывал себя, Эглантина кончила читать. Она вздохнула и стала смотреть в окно.

– Какой это чудесный человек, – сказала она. – Кеес, ты знаешь какой он добрый! Сейчас я тебя накормлю.

Скоро на столе стояло такое богатство, какого я давно не видал. Горячая баранина с бобами, копченый уж, политый уксусом, вареные яйца, соленые корнишоны и разные сладости. Не было пирожков-олеболлен. Эглантина сказала, что жарить их нет настроения.

Я принялся есть, а Эглантина взяла иголку, достала платок и стала вышивать.

– Ты знаешь, как мы познакомились? – сказала она. – Просто как в сказке. На масляничную неделю мы ездили с дядей к его родственникам в Бинш. Ты знаешь, это во Фландрии. Мне было тогда четырнадцать лет, а сейчас уже девятнадцать. Правда, я старая?

Я кивнул головой, сказал «угу» и подавился.

– Во Фландрии такой веселый народ, все время у них какие-то карнавалы. Там рассказали мне про метельщика Караколя и принцессу Эглантину. А я-то как раз Эглантина, понимаешь? И вот однажды я шла по улице и встретила горбуна с приятным лицом. Он посмотрел на меня и крикнул: «Скажи-ка, случайно, ты не Эглантина?» А я ответила: «А ты, случайно, не Караколь?» Он подошел и сказал: «Да, я Караколь, метельщик. А ты, теперь

я точно вижу, прекрасная принцесса Эглантина». Мы засмеялись и пошли вместе. Он так рассказывал, что я заслушалась. Он был действительно бедный человек. Я упростила дядю взять его на службу. И больше всего он занимался мной, опекал, рассказывал, играл даже в куклы. Когда мне исполнилось семнадцать, он вдруг ушел из дома, сказал, что я уже взрослая и такая большая игрушка мне ни к чему. Это он себя назвал игрушкой... Какое смешное письмо он прислал. – Она вздохнула. – Всегда он смешит. Ты думаешь, Кеес, он такой смешной? Нет, он грустный и умный...

Она откусила нитку и подала мне батистовый платок:

– Это отдашь ему. Подожди. Я тоже напишу письмо.

Через полчаса я ушел, таща корзинку с едой. В кармане лежало письмо, в другом – платок, под мышкой сверток.

Когда Караколь увидел платок, он просто ошалел от радости. Оказалось, что там вышито его имя. Когда же прочел письмо, то целый час смотрел в одну точку. Потом подо- звал меня.

– Кеес, я уж прочту тебе, раз ты все знаешь. Я тут прочту тебе, сейчас вот прочту... – Голос его прерывался. – Я что-то никак не пойму, Кеес...

Он начал читать почти шепотом:

– «Караколь, милый, ты написал смешное письмо, но мне все понятно. А я напишу тебе грустное. Ты написал правду, и я напишу тебе правду. Мне еще больней, чем тебе. Ты любишь обыкновенную девушку, она того не стоит. А я полюбила испанского офицера, и он уж совсем того не стоит, потому что он враг. Твоя любовь, быть может, ошибка, моя – наказание. Я же тебя люблю как сестра. Не забывай меня и не осуждай в моей беде. Твоя Эглантина».

– Ну? – шепотом спросил он.

Я сказал, что, по-моему, все понятно: она любит не его, а испанского офицера.

– Нет! – Он стукнул себя кулаком по колену. – Ничего, ничего не понятно.

Ночью он все вертелся и вздыхал.

ЭЛЕ, Я И ТЮЛЬПАНЫ

Я сказал Эле:

– Хочешь, покажу тебе цветок, какого ты в жизни не видела?

Я повел ее во двор. Здесь, у самой ограды, где земля почернее, еще прошлой осенью я посадил цветочную луковицу. Тетя Мария принесла ее с собой из Хаарлема. Это все, что осталось от дяди Гейберта. Откуда он привез эту луковицу, я уж не знаю. Тетка говорила, что из дальних заморских стран.

Луковицу я посадил, но особенного ничего не ожидал. Думал, может, вырастет лилия, а может, ничего. Но в начале мая, когда я уж и думать забыл о цветке, стал пробиваться росток. Бледно-зеленый, но крепкий. Из бутона вытянулись лепестки.

Красивый цветок. Как вам сказать, на что он похож? На узкую красную рюмку, которую я видел в окне у богатых людей. И будто бы в этой рюмке горит свеча – такой яркий.

Если не вру, если не забыл, как говорила тетка, то цветок этот называется тюльпан.

Эле я сказал:

– Смотри не думай срывать! Можешь только потрогать. Такого цветка нет ни у кого в городе, можешь поверить. И уж конечно, нет его ни в одном нашем гербе, потому что цветок из заморских стран. Ты знаешь, какой был моряк дядя Гейберт! Он в Индию плавал, это ему было раз плюнуть. А цветок привез из такой страны, где люди ходят на голове, можешь поверить...

В общем-то, Эле ничего, хорошая девочка, приятно с ней поговорить. Михиелькину пока втолкуешь, язык отнимется. Они с Боолкин верят разной чепухе. Рот разинут и слушают. Бычий пузырь трут от наговоров, бобы через плечо бросают от болезни и нечистой силы. А как начнешь говорить про корабли и адмиралов, сразу засыпают.

Эле – другое дело. Слушать она умеет и все понимает. Эле не раззвонит по улице, что я хочу стать адмиралом. Во-первых, потому, что еще не очень умеет по-нашему. А во-вторых, если бы и умела, не стала бы вопить, как приставучая Аге: «Адмирал, адмирал, бычьи шкуры обдирал!» Но это вранье. Не обдирал я бычьих шкур, только щипал овечьи у Слимброка.

Может быть, я еще в Эле влюблюсь. Был бы у нее платок, я бы сказал: «Возьмите ваш платок, вы не принцесса!» Пожалуй, я не стану дергать ее за волосы, уж больно она грустная и тихая. Лучше я буду ее защищать, а может, срежу тюльпан, вот так, прямо у корня... Только пускай еще постоит у ограды.

Эле не такая, как наши девчонки. В ней кроется тайна. Уж, может, она и не русалка, но точно не из наших земель. Так вот сядет, положит щеку на ладонь и смотрит куда-то вдаль. Глупый народ эйдамцы. Заставили ту русалочку мыть, скрести, сбивать масло... Разве стал бы я сейчас приставать к Эле, чтобы она подметала, белила стены, полола огород? Она и так помогает. Но больше всего мне нравится, когда она сядет вот так и смотрит куда-то вдаль, как будто ждет, что вот-вот покажется парус.

Эх, Эле! Я бы такой смастерил корабль, что ахнули бы все корабельщики – гоорнские и амстердамские. Крутобокий, с тремя мачтами, с таким ходом, что волна превращается в пену!

На нем поставил бы я сорок зубастых мехеленских пушек. Я бы крикнул: «Эй, на фок-мачте! Смотреть вперед!» А мне бы ответили: «Есть, адмирал!»

Я бы вышел на Зейдер-Зее и освободил от испанцев Амстердам. А потом на Норд-Зее и выгнал их из Гааги. Так я дошел бы до Испании, до главного их города. Навел бы все пушки и крикнул: «Эй, испанцы, выходи все на берег и стройся перед адмиралом! Сейчас вы будете давать клятву, что никогда нас не тронете, иначе – бабам-барарах! – все сорок пушек

снесут вашу землю! Выходи все, кто живет на испанской земле! Все, кроме Синтер-Никласа, потому что он добрый и непонятно, почему живет с вами...»

Между прочим, почему это все думают, что Синтер-Никлас живет в Испании? Мало ли чего наговорят испанцы. Как только подходит Новый год, начинают клянчить: «Синтер-Никлас, прилетай из Испании в наш край...» Подарков всяких ждут и сладостей. А чего ему там делать, в Испании? Король Филипп может запросто обстричь ему бороду, а то и в подвал посадить.

Может, Синтер-Никлас живет в той стране, куда плавал дядя Гейберт? А может, просто на небе? Смотрит оттуда и думает: какие дураки со своей Испанией, я там ни за какие коврижки не стал бы жить, потому что не нравится мне тамошняя инквизиция.

В общем-то, конечно, далеко еще до корабля с мехеленскими пушками. Но то, что я буду адмиралом, – это точно. Я и сейчас могу им стать, только сухопутным. Но это на время. Есть же у нас в городе всякие капитаны, короли и маршалы. Вот, например, Якоб Тетроде генерал «Общества фиалок». Какой из него генерал? Он и шпагу-то не поднимет – такой тощий и бледный. Правда, острый на язычок. Как начнет шпарить шуточки, да все стихами, так все помирают.

А я бы стал Адмиралом Тюльпанов. Да, Эле! Нарисовал бы в нашем гербе красный цветок дяди Гейберта. Вот он, смотри: у него четыре лепестка, а сверху он похож на корону. В тюльпаны я принимаю тебя, Караколя, Боолкин и Михиелькина. Пусть даже Пьер и Помпилиус будут тюльпанами – они большие и сильные.

Вот видишь, нас уже семеро, а там посмотрим. Я говорю тебе, Эле, тюльпаны не подкачают, было бы дело. Например, схватка со взводом рейтар. Как думаешь, сколько придавит Помпилиус? Я, по крайней мере, троих могу уложить из своего пистолета.

Адмирал Тюльпанов – вот здорово! У меня прямо под ложечкой засосало, как от голода, – так захотелось, чтобы кто-нибудь понял, что я и есть тот самый адмирал.

Эй, тюльпаны! Я даже на ноги вскочил – так мне захотелось сразу созвать всех под знамя. Знамя у нас будет белое с красным тюльпаном в верхнем углу. И герб тоже с тюльпаном. И барабан. Эле, ты ведь барабанщица. Бери свои палочки и – трам-та-рам! – бей сбор. А ты, Михиелькин, будешь поваром, потому что любишь поесть. Боолкин назначим казначеем: ей нравится раскладывать ракушки. Пьер и Помпилиус станут бойцами. Грудь вперед – рrrrr! – на врага. А Караколь... Неужели назначать его шутом, как и положено в каждом братстве? Ну пусть не шутом, пускай будет кем хочет.

«Военное Братство тюльпанов»! Тюльпаны против испанцев!

Я так размечтался, что мне уже мерещилось, как в клубах пыли мчатся на армию Филиппа войска. А впереди на черном коне адмирал. В одной руке шпага, в другой – знамя. А там уже на рейде стоят корабли, по трапам идут колонны свирепых зеландцев – тоже войска тюльпанов. Пушки гремят, визжат ядра. И падает закопченное испанское знамя...

Ух, здорово!

Потом я почесал затылок и посмотрел на Эле. Слабая девчонка. Подумал про Михиелькина и Боолкин: какой от них толк? Пьер и Помпилиус, хотя и силачи, но ничего не смыслят в военной науке. А Караколь вообще отказывается воевать.

Да, несладко нам, видно, придется. Пожалуй, от меня только будет толк. Да что говорить, на улице Солнечная Сторона я поколочу любого. А как я дразнил испанца? Нет, со мной шуточки плохи. Вот поучусь стрелять и бросать нож в доску, то ли еще будет! Ничего, тюльпаны, не пропадете с таким командиром!

Пока я размахивал руками, прибежал Михиелькин и сказал, что перед домом стоит Слимброк и уговаривает Караколя продать ему Эле.

Как, нашу барабанщицу? Я выбежал на улицу.

– Смотри, шут, – говорил Слимброк, – я мог бы тебя засудить и тогда бы уж взял девочку без помехи. Но я даю тебе целых десять флоринов. За что? Конечно, не за ее душу. Тут не торгуют людьми. Даю тебе десять флоринов за то, что лишаю барабанщицы. Беру ее к себе в дом. Одну ее, как полагается, отдам в школу... Очень мне нравится девочка. Нечего ей с тобой шататься, пора и о жизни подумать.

– А, это ты, Кеес, – сказал Слимброк. – Я на тебя не сержусь, чего не бывает. Где эта миленькая девочка? Веди-ка ее сюда. Дам и тебе целый флорин.

– Почтенный горожанин, – сказал Караколь, – зачем мне твои флорины? Она мне, может, как родственница...

– А мне будет дочка, – сказал Слимброк. – О том и речь. Научу ее прясть, сбивать масло...

Караколь засмеялся и щелкнул пальцами.

– Чего смеешься? Разговаривать ее научу. Ты ведь сказал, что она молчит все время?

– Конечно, молчит, – Караколь улыбался. – Зачем тебе такая?

– Люблю молчаливых. Так что, по рукам?

– Почтенный горожанин... – Караколь перешел на шепот.

– Что-что? Ты чего зашептал?

– Тсс... – Караколь приложил палец к губам. – Девочка очень дорогая, из хорошей семьи, понимаешь?

– Эх... – Слимброк скривился. – Наверное, украл ребенка? Да ладно, не мое дело. Пятнадцать флоринов.

– Тысячу.

– Что ты сказал?

– Я говорю – тысячу золотых флоринов, – прошептал Караколь. – Ни монетой меньше. Слимброк просто оцепенел. Даже язык у него не сразу заворочался.

– Да вся моя мастерская не стоит тысячи золотых флоринов! Ты что, спятил? А, шутишь... Ну ладно. Теперь ты не получишь и одного серебряного, запомни! А про девочку еще поговорим...

И он ушел недовольный.

Я побежал к Эле. Но в саду ее не было. Мы обыскали весь дом, пока не нашли ее на самом чердаке. Как только она туда забралась! Эле пряталась за старой бочкой, в которой отец сушил на зиму торф. Она испугалась, когда я стал тащить ее вниз. И тут первый раз услышал, как она говорит по-голландски:

– Нет, нет! Не хочу. Огневик.

ВЫЛАЗКА

Почему она так боялась Слимброка, мы до конца не выяснили. Может, путала с другим человеком? Она показывала на огонь, потом на волосы. Значит, человек тот был рыжим. А Слимброк черный как головешка.

Кое-как я понял, что рыжий тот, Огневик она его называла, неприятный человек. Он даже вроде бы кого-то убил. Но я сказал Эле: «Не бойся никаких рыжих-конопатых, мы их колотили и будем колотить. Нечего трястись по разным пустякам, тем более что Слимброк не рыжий. Просто хотел, чтобы ты всю жизнь щипала его дохлых овец. Вот так-то».

Днем я залез на Коровьи ворота и вместе со Сметсе Смее смотрел на испанцев.

– Шестьдесят два редута, – сказал Сметсе. – А пушки еще не считал. Интересно, какие у них пушки? На приступ они не пойдут, ученые после Хаарлема. А все равно дураки. Я бы пошел на приступ. Кому у нас воевать? Пять рот городской стражи да рота гезов.

– А твои толстяки? – сказал кто-то. – Да вы их мясом закидаете. Хо-хо!

– «Хо-хо»! – передразнил Сметсе. – Зря ты гогочешь. Ребята у меня что надо. Да и сам я не промах, два года воевал в гезах. Вместе с адмиралом де Люме брал приступом Брилле. Отчаянный человек, не попадись ему под руку! В живых никого не оставлял. За это, говорят, и снял его Молчаливый.

Сметсе принялся рассматривать редуты.

– Сегодня ночью, Кеес, толстяки идут на дело. Пушки надо заклепать испанцам, хлеба, мяса отбить, а то своего мало. Клянусь Артевельде, мы им устроим ночку, какую ведьмы не знали!

Я попросил:

– Возьмите меня, Сметсе! Он хлопнул меня по спине.

– Ты ловкий парнишка, но дело опасное. Сам посуди, мы тащим тяжелые молоты, какие тебе от земли не поднять. Одни заклепают замки, другие расправятся с караулом. А ты что? Будешь смотреть? Это не фарс в риторическом клубе, могут ведь и прихлопнуть ненароком! Так что терпи, парень, придет и твое время.

Я пошел домой и даже с Эле не разговаривал. Михиелькину дал затрещину, просто так, ни за что, а Караколю сказал:

– Мы жалкие трусы. Люди воюют, а мы сыр едим.

Но вечером пришел Сметсе и отозвал меня в сторону:

– Ладно, Кеес, есть тебе дело. Такая, понимаешь, загвоздка. Все мои парни уж больно здоровы и неповоротливы. Нужен нам человек, который проползет по траве вдоль испанских постов и скажет, как они расставлены. Бес ведь их знает, где они торчат ночью. Костры могут быть приманкой. Может, у них засада прямо за мостом. Мы ведь рассчитывали на тощего Вастеле, но он наложил в штаны и сказал, что не входит в «Общество толстяков». А ты проползешь – и сразу назад, легонькая прогулка, только живот намочишь...

Ночью слегка приотворили крепостную калитку, и я оказался за стеной. Темнотища... мать божья риндбибельская! Только вдали полощутся желтые испанские костры...

Ну, скажу вам, натерпелся сначала я страха! Хотел даже вернуться. Руку себе укусил, чтоб не расхныкаться... На маленьком плотике перебрался через ров и минут пять лежал в траве, приглядывался. Трава мокрая, как после дождя, стало трясти от холода. Ну, думаю, адмирал, неужели ты как тощий селедочник Вастеле? А потом думаю: хитрый Сметсе, небось не хотел возить по траве пузом. Пойду и скажу им: сами ползите. Бррр, адмирал, а как же на море в бурю? Тут хоть земля твердая. И кто тебя заставлял? Сам напросился... А если испанец где-нибудь рядом? Схватит тебя за шиворот – и нож в спину...

Тихо кругом. Мало-помалу я успокоился. Даже трясушка прошла, хоть и рубашка была мокрая. Некоторое время я полз, а потом вообще встал и пошел, – правда, пригибался. Думаю, если я ничего не вижу, то и меня не видит никто. Чудное дело темнота! Сначала ее боишься, а потом даже приятно, как будто в шапке-невидимке.

Поближе к кострам я так осмелел, что просто шагал, как на прогулке, даже руки в карманы засунул. Чуть было не засвистел свою песенку: «А где наш Филипп, испанский король...» – но вовремя одумался.

А когда от костра крикнули: «Эй, Руфеле!» – я сразу хлопнулся на землю и руки в карманы уже не засовывал.

Разглядел я эти костры. У каждого по два человека. А еще один ходил туда-сюда, от одного костра к другому. В темноте за кострами виднелись палатки, хорошая вспышка иногда их освещала. Большие палатки, но сколько в них солдат, угадать я, конечно, не мог.

Назад я бежал вприпрыжку. Споткнулся, чуть не упал, пошел потише. Вот что я вам скажу: главное – пересилить собственный страх. Потом самому приятно: ничего на свете не боишься.

Толстякам я сказал, что нет никакой засады, а караулы стоят у костров.

– Так, – пробормотал Сметсе Смее. – Значит, у них все по-старому. Ну ладно, щелкали мы такие орешки. Ты, Кеес, оставайся в городе. Молодец, настоящий разведчик.

Хотел я ему сказать, что могу и больше – пальнуть, например, в испанца, но меня уже не слушали.

Ворота открыли, толстяки вразброд пошли на мост. Кто босиком, кто в шерстяных носках, чтобы потише. Блестели клинки, оружейные дула. Трактирщик Бибулус тащил на плече огромную кувалду. Наверное, если трахнуть такой, вся пушка развалится.

Ну ладно, думаю, посмотрим, на что еще способен Адмирал Тюльпанов. И тихо так выскользнул за толстяками. Сотню шагов они шли в полный рост, потом пригнулись. Я думал: неужели, как на прогулке, мы подойдем к испанцам и зададим им трепку? Жалко, нет со мной пистолета: Сметсе велел оставить дома.

Только я так подумал, как слева полыхнуло пламя, грохнуло россыпью, раздался истошный вопль:

– Тревога!

– Вперед! – закричал Сметсе Смее. – Живее на пушки! Питер и Сандер, прикрывайте фланги!

Такое тут началось! Я отлетел в сторону, потому что рядом пальнули из мушкета. Толстяки с воплем и визгом бросились на костры. Как только большие люди могут так истошно кричать!

– Ия-я! За гезов! Лупи! А-а-иа! Кроши!

Раздался звон, тупые удары, метался оранжевый свет и черные тени. Кто-то вопил: «Святая Мария! О Иисус!» Бум! Бам! Бац! Блим!

– Пушки! – кричал Сметсе. – От пушек их, Сандер! Куда, куда ты, сатана! Назад! Назад, говорю, оставь его, Питер! К пушкам отступай, к пушкам!

Я заметался. Сначала отскочил в темноту, но наступил на раненого, и тот замычал. А тут в свете костра увидел Сметсе Смее. На нем висело целых два солдата. Вернее, одного он держал за шею, а другой пытался схватить за горло его.

– Ммых... – пыхтел Сметсе и тряс солдат.

Я вскочил и схватил одного за ногу. Не знаю, как получилось, просто что-то подбросило меня с земли. Тот взвизгнул и обернулся. Тут Сметсе отбросил второго, а этого ударил по темени лбом, боднул, как хороший бык. Брук! – вот так стукнуло, и солдат покатился на землю. Ох и голова у Сметсе – наверное, железная!

– Как орешки! – крикнул он и обернулся, по лбу его текла кровь. – Ты, Кеес? Ну я тебе покажу, разбойник! Домой, домой возвращайся!

Он что-то поднял с земли и пропал в темноте. Я снова услышал его голос:

– Давайте, давайте, ребята! Сейчас подойдут солдаты! Палатку спали, Сандер! Ту, что подальше от пушек. Там поджидай рейтар, отвлеки их, Сандер!

Раздавались глухие удары, как будто били в замотанный тряпкой колокол: должно быть, корежили пушки.

Но тут подоспели валлоны – наверное, целый батальон. Они теснили нас молча и не особенно ярко, но их было больше. За ними двигался всадник на черном коне. Он отъезжал, как только возле начиналась схватка. Потом пропадал в темноте и появлялся с другой стороны, наблюдая за боем. Раза два он что-то резко крикнул, и по его команде солдаты то отступали, то смыкались и шли вперед.

Я снова увидел Сметсе. Приложив ладонь козырьком, он смотрел на всадника.

– Эй! – закричал он. – Старый знакомый! Не вы ли это, дон Рутилио, Рыцарь с Кислой Рожей?

Всадник обернулся, и в ту же секунду хлопнул пистолетный выстрел. Я даже удивился, как быстро пальнул этот конник. А то уж я думал, что он не любитель сражаться, потому и держится сзади.

Сметсе даже ойкнул, потому что пуля цвкнула у него над головой.

– Брось-ка, сеньор! – закричал Сметсе. – Слезай лучше с коня, да попробуем пешими. Уж больно часто ты стал мне попадаться. Видно, сам черт носит тебя по Голландии. Ссадить бы тебя для порядка!

Но всадник и не думал слезать с коня. Он двинулся прямо на Сметсе, держа в руке второй пистолет. А Сметсе стоял с одним кинжалом, и видно было, что ему несдобровать.

Я увидел на земле мушкет и потащил его к Сметсе. Тяжеленная штука, как только из него стреляют? Сейчас Сметсе покажет этому Рыцарю с Кислой Рожей.

– Лопух, – сказал запыхавшийся Сметсе. – Он не заряженный.

А всадник уже поднимал пистолет.

Тогда Сметсе схватил мушкет поперек, за дуло, и размахнулся им, как соломинкой. Ну и силища у кузнеца!

Бах! Всадник выстрелил, и в то же мгновение брошенный Сметсе мушкет ударил его прикладом в грудь.

Конь вздыбился, а старый знакомый Сметсе взмахнул руками. Вспыхнул костер, на мгновение я увидел бледное лицо дона Рутилио, а потом он полетел в темноту.

– Отступаем, ребята, отступаем! – кричал Сметсе Смее, держась за плечо.

Валлоны ослабили натиск. Быть может, им не хотелось кидаться за нами в темноту, а может, они растерялись, когда упал их командир.

Толстяки отходили кучной толпой, пыхтя и размахивая оружием. Раненые ковыляли в середине, некоторых несли.

– Отчаянный ты парень, Кеес, – сказал Сметсе Смее. – Чего ж ты проглядел заставу? Это они в нас палили.

Я сказал, что не было никакой заставы.

– Ну ладно, – сказал Сметсе Смее. – Быть может, это контрольный дозор. Он проверяет посты вокруг Лейдена.

– Ты ранен, Сметсе.

– Пустяки, царапина. Кабы не твой мушкет, была бы во лбу дырка. Дон этот стрелять умеет. Конь его дернулся, вот и промазал.

– А кто это, Сметсе?

– Старый знакомый. Я встретился с ним в Ловенштейне. Потом, когда брали Брилле. Красавчик. Зовут его Рыцарь с Кислой Рожей, а он обижается. Ты видел, как я его ссадил?

– Видел, Сметсе!

– Но он, брат, тоже понаставил на мне отметин. Сегодня вот плечо оцарапал. Ловкий, подлец. Видел, как он в меня пальнул? Стреляет на двадцать шагов без промаха. Кабы не лошадь... Да шут с ним! Какие у нас потери?

В эту ночь мы оставили у испанцев шесть человек. Четырнадцать было ранено. Мы заклепали три пушки, два фальконета и, как подсчитал Сметсе, положили не меньше двух дюжин рейтар и валлонов убитыми и ранеными.

Что там случилось с доном Рутилио, было неясно, а Сметсе хотелось бы знать. Мне кажется, таким мушкетом можно прибить и буйвола. Но Сметсе сказал, что дон Рутилио всегда носит на груди панцирь.

К БОЮ, ТЮЛЬПАНЫ!

Прошло несколько дней. Я был на седьмом небе от гордости и всем говорил, что скоро устрою вылазку сам. Караколю это не нравилось, он говорил, что мальчишки не должны воевать по-настоящему. Интересно, а что должны делать мальчишки? В куклы, что ли, играть?

Ходил я, ходил и решил все-таки, что пора собирать тюльпанов. Неудобно ведь адмиралу без армии. Позвал я Эле и Караколя, Боолкин и Михиелькина, бойцов наших Пьера и Помпилиуса, усадил всех вокруг цветка и сказал:

– Это цветок, какого вы в жизни не видели. А называется он тюльпан. Правда, красивый?

Все согласились. А Помпилиус понюхал и хотел даже съесть, пришлось ему сделать выговор.

– Нечего нам болтаться без дела. Объединимся в «Военное Братство тюльпанов». Чем мы хуже разных фиалок, лилий и толстяков?

Первыми вступили в «Военное Братство тюльпанов» Боолкин и Михиелькин. Потом Эле, Пьер и Помпилиус. Караколь все думал, говорил, что лучше бы просто «Братство тюльпанов», а потом махнул рукой и сказал, что теперь ему все равно, потому что вся жизнь кувырком. Так что вступили все, ну, а я, как вы знаете, был уже там адмиралом.

– Пока нас семеро, – сказал я. – А будет семь тысяч.

Михиелькин сказал, что хорошо бы завоевать какое-нибудь отдельное герцогство или графство. Но я ответил, что, пока не выгоним испанцев, об этом и думать нечего.

Потом мы устроили военный совет, на котором Помпилиус так захрапел, что покраснел даже Пьер. В общем, мы ничего особенного не решили на этом совете, постановили только готовиться к бою. А Караколь все махал рукой и говорил, что можно и не готовиться, потому что все равно жизнь кувырком. Вообще последние дни Караколь только и делал, что вздыхал да вспоминал свою Эглантину.

Я посоветовал не слишком-то о ней печалиться. Видали мы таких! Конечно, спасибо ей, что надавала разной еды, но раз уж влюбилась в испанца, значит, с нами не по пути.

Я предложил Караколю написать углем на ее стенке что-нибудь похлеще, например, такое:

Эглантина, ты свинина,
а испанец твой дубина,
тури-дури-дурадас,
наплевали мы на вас!

Но Караколь сказал, что это грубо. Ладно, его дело, пусть вздыхает.

Затеял я было учение тюльпанов, но тут зарядили дожди. Каждый день с утра пораньше. Проснешься, высунешь голову из-под рогожи и слышишь: клуф-клаф, клуф-клаф – месит кто-то грязь клонками, деревянными башмаками. Ясно, опять слякоть... Если бы сухо, клонки стучали бы так: клек-клек, клек-клек... А в морозец, когда земля затвердеет, звук еще звонче: клик-клак, клик-клак! Так что, не глядя на улицу, скажу вам, какая погода. Всегда ведь кто-то пройдет мимо дома, и обязательно в клонках, потому что удобнее обуви не сыщешь. В сырость в них сухо, в холод – тепло, чего еще надо!

Нехорошее все-таки дело дождь, хоть и привычное. И так у нас сыро, а тут еще льет и льет. Небо похоже на мокрый мешок. Поневоле возьмешься дома за уборку: каждая соринка – лишняя плесень.

В городе стало тихо и хмуро. Комендант запретил вылазки из-за потерь. На площади объявили, что скоро начнут раздавать продовольствие, каждому немного мяса и хлеба.

Слимброк, конечно, опять исчез. Наверное, сидит в каком-нибудь подвале, ест свою рыбу да запивает кислым вином.

Бреестраат уже не подметали, да и люди появлялись на улице редко. Говорили, что принц Вильгельм просил продержаться три месяца, а прошло только два. Испанцы закидывали предложениями о сдаче. Главный их офицер, полковник Вальдес, собственноручно заверял, что никого не тронет. Перебранка у стен затихла, солдатам надоело в нас стрелять дохлыми крысами. Они жили в своих палатках, пили вино и распевали песни.

Чудна я война, неинтересная. Какая же это война, когда одни хотят уморить других голодом? Знал я одного мальчишку, Петера Нетцке. Каждое лето он со своим отцом приходил из Германии косить нашу траву. Травы летом столько, что сами не справляемся, приходится нанимать работников. Вот и приходят «зеленые немцы», так их у нас называют. Еще, может быть, слышали, зовут их «ханнекемайеры». Это потому, что несколько лет подряд целая дюжина братьев Ханнекемайеров ходила с косами по нашим лугам. Смешные были ребята, видел я одного. Все чудилось ему, что потерял монету, поэтому передвигался больше на четвереньках.

Ну, а этот, значит, Петер Нетцке. Любил он одну забаву. Копал в земле норку, сажал туда кошку и загораживал выход прутиками. Кошка сидела там несколько дней без еды, а Петер Нетцке приходил с покоса и смотрел, как она худеет. Не знаю, может, он держал бы там кошку до смерти, если бы не мы с Мишиелькином. А драться этот Нетцке совсем не любил.

Теперь и мы, как та кошка. Но разве это похоже на войну?

Нашел я кусок красного сурика, который еще в прошлом году позаимствовал у Слимброка, растолок и размешал в льняном масле. Вырвал клочок шерсти из овечьей шкуры, той, что и так уже вся вылезла, сделал кисточку. Осталось залезть на треножник и нарисовать перед входом тюльпаны, прямо на белой штукатурке.

Но сначала решил придумать какую-нибудь надпись. На многих домах у нас написано, правда, на тех, что побогаче. Только скучно все это – «Покой и порядок», «Моя радость», «Без неудач».

А мне надо что-нибудь позаковыристей. Пока рисовал тюльпан, все думал. Может, так: «Таверна покорителя морей»? Нет, не подходит, какая у меня таверна. Или вот так: «Отойди – взорвется!» Это уже ничего. А можно еще...

Тут и застал меня Сметсе Смее.

– Чего ты малюешь? – спросил он.

Я ему сказал:

– Это, Сметсе, такой цветок, какого ты в жизни не видел. Тюльпан называется.

– Слыхал, слыхал, – сказал Сметсе Смее. – А ты, говорят, теперь уже адмирал?

Я вытер руки и сказал, что пока нас семь человек, но будет семь тысяч. Если Сметсе желает...

– Да я не могу, – сказал Сметсе, – ты знаешь. Что же, толстяки останутся без председателя? Слышь, адмирал, – сказал Сметсе Смее, – наклеивается одно дело...

Поближе к вечеру мы пошли в магистрат. Там за большим столом сидел человек с лицом, похожим на сушеную рыбину. Он встал, отложил перо и начал расхаживать, щелкая башмаками по каменному полу.

– Пришла пора борьбы за свободу! Долой испанское владычество! (Щелк, шелк...) Император Карл Пятый напустил инквизицию на землю Нидерландов. А сын его Филипп еще хуже: пригнал полки солдат. (Щелк, шелк...) Долой закосневшую католическую церковь! (Щелк, шелк...)

Под этот «щелк» человек с лицом-рыбиной говорил целый час. Во всяком случае мне так показалось. Даже спать захотелось, а Сметсе мне все подмигивал и ухмылялся.

Нет, зачем меня сюда позвали? Я сам уже с тоски стал пощелкивать клонками, а тот все занудствовал:

– И в этот час – щелк, щелк, – когда вся Голландия с надеждой смотрит на славных защитников Лейдена...

Тут в глубине отворилась дверь, и вывалилась целая дюжина людей. Они надевали на ходу шляпы, гремели шпагами, стучали каблуками. Все прошли мимо, тыча друг в друга пальцами, сопя и переругиваясь.

Остался один в черном бархатном костюме с брабантским кружевным воротником. Он постоял, заложив за спину руки, потом обернулся к человеку-рыбине:

– Ну что, Гуго, отслужил свою обедню? Рыбина сразу сел за стол и зацарапал пером.

– Корнелис Схаак? – спросил меня человек. – Идите за мной.

Мы вошли в комнату поменьше, но посветлее. У человека был усталый вид. На столе валялись бумаги, карта, по-моему, циркуль, линейка. У окна стоял еще кто-то, он даже не смотрел на нас.

– Я ван дер Дус, – сказал человек. – Комендант обороны. А тот, что с вами разговаривал, секретарь магистрата. Бывший учитель.

Человек сел и забарабанил пальцами по столу.

– Корнелис, ты, говорят, сочиняешь стихи?

Я замялся.

– Еще как сочиняет, – ответил за меня Сметсе Смее. – Это для него все равно что орешки.

– Прочти что-нибудь. Впрочем, нет. Не время. Я, видишь ли, Корнелис, тоже сочиняю стихи. Правда, больше на латинском. Ты знаешь латинский?

Я ответил, что нет.

– Не обязательно, – сказал ван дер Дус. – Пожалуй, и мне пора перейти на голландский. Заели латинские вирши, от них так и несет святым Римом.

Он встал и прошелся по комнате.

– В общем, так, Корнелис. Такое время, что приходится нам, поэтам, взять в руки пистолет и шпагу. Отложим перо и выйдем на поле брани. Дульце ет декорум эст про патриа мори. – За родину и умереть приятно. Впрочем, что это...

Он сел в кресло и вытер ладонью глаза.

– Опять на риторике потянуло. Сметсе, объясни суть дела.

Тот, что стоял у окна, обернулся и посмотрел на нас.

Я узнал в нем бургомистра Бронкхорста.

Минут через пять я уже знал, что требуется.

– Все, что понадобится, достанем, – сказал Сметсе Смее. – Такую штуку мы устроили однажды самому Альбе. Выберем, где проще пройти. Лучше у немцев. Валлонов избегай: хитры, да и не любят нас, реформатов. Одно слово – рабы божьи.

– А остальные-то согласятся? – спросил ван дер Дус.

– Все согласятся!

– Всех и не надо, – сказал Сметсе Смее. – Девочку, Караколя и зверей. Для полной картины. Больше ни в коем случае.

– Ты знаешь, кто такой Мартин Виллемсзоон? – спросил ван дер Дус. – Сейчас я тебе объясню...

Обратно я шел не чуя под собой ног. Все вспоминал, как Сметсе сказал: «Теперь ты настоящий гез». Вспоминал, как сказал Иоганн ван дер Дус: «Стихи будем писать потом». Вспоминал еще, как бургомистр Бронкхорст пробормотал от окна: «Может, отменим, все-

таки мальчик еще». А я чуть не заплакал, и он подошел, посмотрел как-то грустно, сказал: «Ну ладно, рискнем».

Караколь согласился сразу. Он даже обрадовался:

– Есть, адмирал! Пора убираться отсюда. Нечем кормить зверей, некого спасать от Голиафа!

Можно подумать, что он собирался на легкую прогулку.

Михиелькин стал хныкать, но я поклялся ему, что такой получил приказ – ни одного лишнего человека. Мне и самому было жалко, я так ведь привык к Михиелькину и Боолкин.

Весь вечер готовились мы в дорогу. Приходил Сметсе Смее и снова рассказывал, как нужно себя вести.

Я срезал тюльпан и отдал его Эле. А луковицу выкопал и отнес на чердак, положил где посуше. Пусть отдыхает до следующей осени, тетка Мария говорила, что цветы будут несколько лет.

Михиелькину я велел набирать новых тюльпанов и вообще подумать об обороне города. Я скоро вернусь, а может, не вернусь и погибну, тогда адмиралом станет Михиелькин.

Еще я успел нарисовать тюльпан на фургоне, а потом мы стали прощаться. Утром ведь уйдем так рано, что все будут спать. Ну, вот и простились. Боолкин и Михиелькин взяли за руки и ушли такие растерянные, что верите или нет, что-то пискнуло у меня в груди. Должно быть, сердце. По чести сказать, я один у них был товарищ: многие их дразнили и называли толстыми, а я никогда. Да и затрешины, которые иногда получал от меня Михиелькин, были совсем несерьезными, потом я ходил виноватым, и Михиелькин это понимал.

Ночью я совсем не спал, и Караколь не спал. Только Эле дышала ровно и спокойно.

СЕРЖАНТ КОПЕЙЩИКОВ ГОТЕСКНЕХТ

Вышли мы из Хаарлемских ворот. Помпилиус сидел на повозке, а мы с Эле шли впереди. Караколь шагал последним и все оглядывался на городские ворота. Чего там оглядываться, опасность была впереди...

Вид у меня и Эле самый праздничный. В жизни я не носил таких костюмов. Коричневая курточка с сереб ряными пуговицами, широкий пояс, панталоны и черные чулки. Кломпы на мне были тоже новые.

Эле подвязала красный передник с розовой каймой. На голове крылатая белая шапочка. Вся она так и светилась под утренним солнышком.

Пьер, отдуваясь, тащил повозку. Он не привык во зить Помпилиуса. Да и тот никогда не ездил, поэтому сидел сейчас с глупым видом, – может, думал, что все это какой-нибудь номер. В общем, номер. Только получится ли у нас?

«Свадебный суп», разные шутки-прибаутки, я приготовил еще вчера, так что мог сыпать ими хоть целый час. В моей шляпе торчали шесть петушиных перьев. Хоть и положено павлиньи, но где их теперь достать!

Когда мы подошли к редуту шагов на сто, оттуда высыпали солдаты и смотрели разинув рты. Караколь взял барабан и начал тарыхтеть.

Тогда в палатке открылся полог, и вылез толстый человек с большими усами. Солдаты перед ним расступились. Наверное, это был начальник.

– Фуй! – сказал человек. – Што это есть? Как некарашо тук-тук, стучать этот парабан. Што это есть? Ви пришель сдаваться плен?

– Господин начальник! – сказал я и помахал перед ними шляпой. – Позвольте пригласить вас на свадьбу, которая состоится через три дня ровно в десять!

Жених и невеста ожидают ответа,
медведь Помпилиус и медведица Грета,
Быстрей соглашайтесь да приходите,
родных и знакомых с собой прихватите,
затем, чтобы справиться неторопливо
с бочонком вина и дюжиной пива,
чтоб петь, веселиться, плясать до утра,
до хрипа кричать новобрачным «ура!».

Отбарабанил я не переводя дух, как и полагается в наших краях.

– Фуй, – сказал человек и вытер платком лоб. – Я нишего не понимаю, шерт побирай! Вы имеет честь с сержант копейщик Готескнехт. С кем я говориль и куда меня приглашайт?

– На свадьбу, господин сержант! Медведь Помпилиус едет к своей медведице Грете.

– Дас ист бер, медведь? Едет невесте, шерт побирай? – Готескнехт сел на ящик. – Што это есть? Шутка?

– Никак нет, господин сержант! Шутка не шутка, а нужен мишутка! Медведь Помпилиус хочет иметь наследника, господин сержант!

– Уф! – сказал сержант копейщиков. – Такой маленький медвежатка? Это есть националь обычай, такой женитьба? Где бывайт невеста?

– На острове Маркен, господин сержант. Мы с острова Маркен, господин сержант. Два месяца искали жениха для Греты, нашли в городе Лейдене. Он согласился жениться на Грете. Вы бы знали, как трудно найти холостого медведя в Голландии! Тут ни гор, ни порядочных лесов!

- О да, – сказал Готескнехт. – Фуй, совсем нет горы. Очень плохо.
- Ей-богу, господин сержант, мы бы сразу поехали в Мюнстерланд или...
- Пошему ви знайт Мюнстерланд? Я есть сам аус Гронау, Мюнстерланд.
- А у меня там родственник, господин сержант, Петер Нетцке. Двоюродный брат или даже троюродный, я точно не знаю. Он говорил, там большие горы и много медведей.
- Пошему ви не ехаль нах Мюнстерланд?
- Уж больно далеко, господин сержант. Хозяин фургона, вот этот человек, не согласен. И так берет много денег.
- Это есть хозяин фургон?
- Капитан Готескнехт посмотрел на Караколя.
- Мы наняли его в Монникендаме, господин сержант.
- А этот девотшка?
- Наша служанка, господин сержант. Она немножечко, знаете... Совсем не разговаривает.
- Ти есть смышленный малшик. Пошему гуляешь один?
- Я не гуляю, господин сержант. Отец послал меня поискать жениха для Греты.
- Фуй, – сказал капитан. – Шерт побирай! Я мало понимал. Голланд – смешной страна. Нишего здесь не понимал. Пример: што есть де Схоорнстеенвегер?
- Какой-то человек, господин сержант. Это фамилия.
- Я понимаю. Што означайт «де»? Я был Париж. Париж «де» означай граф, барон, виконт. Пример: де Тюржи, де Тревиль. Мадрид «де» означай дворянин. Мне говоришь, Схоорнстеенвегер есть шик-шик, чистить труба.
- Правильно, господин сержант. «Схоорнстеенвегер» – по-нашему «трубочист».
- Полушается, де Трубочист? – Готескнехт опять вытер лоб огромным красным платком, потом еще выжал в него нос. – Фуй, шепуха. Голланд есть смешной страна.
- Конечно, господин сержант. Очень смешная страна. Мы, маркенцы, хоть и живем рядом с Голландией, но не очень-то с ней дружим. Мы сами по себе. Ни с кем не воюем, ловим рыбу, торгуем. А голландцы нас только грабят.
- Где бывайт остров Маркен?
- Рядом с Амстердамом на Зейдер-Зее, господин сержант. А если точнее, то ближе к Монникендаму. На лодке полчаса морем, господин сержант, так что вы легко доберетесь.
- Ви желает ехать нах Маркен?
- Конечно, господин сержант. Свадьба назначена через три дня. Так что и вы не опаздывайте.
- Я имей приказ полковник Вальдес не пускать ни один шеловек.
- Но это медведь, господин сержант!
- Фуй, – пыхтел Готескнехт, – хитрый малшик...
- Я уже видел, что этот Готескнехт простой дядька, которому надоели приказы полковника Вальдеса. Может, похныкать? Тогда наверняка пропустит. Я было собрался пустить слезу, как Готескнехт махнул солдатам.
- Я проверяй ваш фургон и отпускай все четыре стороны. Я не воюй с малшик и медведь, шерт побирай!
- Копейщики лениво обшарили фургон. Сначала им попалась клетка с голубями.
- Это свадебный подарок Помпилиуса, – поспешно объяснил я. – Во время свадьбы у нас разбрасывают конфеты и пускают голубей. Мальчишки на свадьбах всегда кричат: «Невеста, брось конфетку! Жених, пусти голубка!»
- Про конфеты я сказал правду, а про голубей приврал, но получилось складно.

Ничего интересного для копейщиков в фургоне не нашлось, а снизу заглянуть не догадались. Там, в большой отцовской рукавице, прибитой под осью, лежал заряженный трехствольный пистолет.

Этого «голубка» я прихватил на всякий случай, хоть Караколь и был против.

– Ви поезжайт. И не бывай назад этот город. Здесь пуф-пуф, немножко стреляй и отрывай голова. Фи, война – некароший штук... Полковник Вальдес плохой вояк. Но он дает дин-дин, немножко талер, сержант Готескнехт покупай новый дом Гронау. Ауфвидерзеен, малыш!

В это время справа, со стороны Мары, показались всадники.

– Ахтунг! – сказал Готескнехт и приложил руку к глазам. – Дас ист дозор аус Лейдердорп, главный штаб. Ви поезжайт быстро, быстро, шнель!

Мы покатили по хаарлемской дороге, но не успели отъехать и двухсот шагов, как раздался топот и солдат на рыжем коне махнул саблей перед носом Пьера. Пьер зарычал, а солдат что-то крикнул и показал назад. Нас вернули.

Когда фургон подъехал к палатке, сердце у меня упало. Перед пыхтящим Готескнехтом на высоком черном коне гарцевал дон Рутилио, Рыцарь с Кислой Рожей. Живой, целехонький, как будто только что с галльского курорта.

– Сержант Готескнехт, – сказал дон Рутилио холодным голосом. – Вам известен приказ полковника Вальдеса никого не выпускать из города?

– Их вайс, – сказал Готескнехт. – Я выпускаль этот медведь на остров Маркен. Этот малыш не есть жить в Лейден. Это есть свадьба, националь обычай.

Дон Рутилио похлопал себя прутиком по сапогу, потом внимательно посмотрел на меня.

– Этот мальчик, может быть, и не живет в Лейдене, но убивать наших солдат он ходит вместе с лейденцами.

Все пропало! Он узнал меня. Теперь не вывернуться. Караколь стоял бледный, но спокойный. Эле тоже все понимала. Даже Помпилиус тихо заурчал.

– Доннер-веттер! – сказал Готескнехт. – Я нишего не понимал эта страна.

– А впрочем, – сказал дон Рутилио, – я готов пропустить этих циркачей, если при них не найдется ничего подозрительного. В последнем сомневаюсь. Вы, сержант, плохо знаете Голландию и тем хуже голландских детей. Любой из них в свои годы гораздо сметливее самого хитрого андалузского пастушка. Я говорю вам, сержант, что здешние дети вроде этого пострела вполне самостоятельные люди, заботы у них появляются чуть ли не с колыбели. И то, что мы беседуем сейчас о мальчишке, а не о том вон клоуне, говорит само за себя. Бьюсь об заклад, что они посланы с какой-нибудь пакостью от ван дер Дуса или Бронкхорста. Так что поищите у них в фургоне.

– Уже искаль, – мрачно ответил Готескнехт.

– Наверное, плохо искали, сержант. Впрочем, не одного вас дурачили. Два года назад сам герцог Альба остался в дураках. Он пропустил через свои заставы свадебный кортеж голландцев. Как выяснилось, это было оружие для мятежников. Так что ко всякого рода свадьбам мы питаем недоверие. Надо же! – Дон Рутилио оглядел меня с головы до ног. – Какой маскарад. Костюм маркенский, даже перья в шляпе. Только маленькая неточность: на свадьбу в здешних краях приглашают двух мальчиков, а не одного. И уж во всяком случае не мальчика с девочкой.

Какой прохвост! Все знает. Можно подумать, что родился в наших краях, а не в своей Испании. Не успел я так подумать, как дон Рутилио сказал:

– Меня трудно провести. Я ведь с детства воспитывался во Фландрии.

Потом обернулся к Готескнехту:

– Так что вы нашли в фургоне, сержант?

– Нишего, – ответил Готескнехт. – Только таубе – голуби. Дас ист свадебный подарок, националь обычай.

– Национальный обычай в этих местах ненавидеть короля и веру, – сказал дон Рутилио. – Это прежде всего. А с голубями все ясно. Разве вы не знаете, каким образом осажденный город поддерживает связь с принцем Оранским?

– Вайс нихт, – сказал Готескнехт. – Я есть зольдат, нихт шпион.

– Напрасно, напрасно, – сказал дон Рутилио. – Солдату полезно знать про голубиную почту. А также про лиц, доставляющих голубей за линию осады.

– Их вайс! – прорычал Готескнехт. – Но это не мой компетенций!

– В таком случае поясняю, что связные с голубями подлежат смертной казни, – сказал дон Рутилио.

«ЯИЧНЫЙ ОГОРОД»

Так вон чего задумал дон Рутилио! Смертная казнь! Это я-то в молодые годы должен лезть в испанскую петлю? А со мной Караколь и, может быть, Эле? Будем болтаться на деревьях, вместо того чтобы бегать под летним солнышком?

Ух и струхнул я тогда. Прямо поджилки тряслись. Тут выскочил вперед Караколь и затараторил:

– Почтенный сеньор, что вы сказали такое? Смертная казнь? Кого это казнить, сеньор? Неужели этих младенцев, или, может, медведя, сеньор? Я смотрю, вы действительно хотите кого-то повесить, сеньор. Неуж то меня? Да, именно меня, я так и понял. Увы, увy, приходится погибать за каких-то дурацких голубей. За моих голубков, сеньор. Это мои голуби, я голубятник, сеньор. Известный во всей Голландии Сизый Нос Горбатое Крылышко. Ах, плакала моя головушка... И зачем я только повез этих голубков... Хотел загнать на амстердамском рынке. Плакала теперь моя головушка...

– Благородно, но неубедительно, – сказал дон Рутилио. – Тебя я не знаю. С таким горбом ты плохой вояка. А мальчик знаком. Мы с ним встречались в бою, правда? И может быть, на его совести не один убитый солдат. – Возраст не оправдание. Нажать курок или пустить стрелу из арбалета может любой малыш. Вот если бы он был грудным младенцем, другое дело. Таких я не трогаю. Справедливость и порядок – мои принципы.

– Это не есть порядок – убивайт малшик, – пробурчал Готескнехт.

– А если мальчик убивает вас, такой порядок вам нравится? – спросил дон Рутилио. – В Хаарлеме такой же пострел прикончил десяток здоровенных рейтар. Ночью он подтащил к палатке бочонок с порохом и пальнул в него издали. Ваших как не бывало, только пепел сыпался с неба...

– Уррр! – прорычал Готескнехт. – Я мало понималъ эта страна.

– Сеньор! – снова затараторил Караколь. – У вас что-то со слухом неладно. Говорю, ведь, что эти голуби...

– Молчать! – сказал дон Рутилио. – А то всех повешу.

Мне показалось, что дон Рутилио разглядывает меня с интересом.

– Ума не приложу, – сказал он, – что с вами делать. Неужто и вправду повесить?

Мы замерли.

– Сержант Готескнехт, – обратился он к копейщику, – я завершу обход, а вы держите мальчишку до особого распоряжения. Может быть, им заинтересуется Вальдес. Парень совсем не дурак, должно быть, много знает о городских делах. Ждите приказа.

Дон Рутилио повернул коня и ускакал, а вслед за ним его конные латники.

Мы все перевели дух. По крайней мере, есть несколько часов, а там где наша не пропада! Только бы коленки снова не начали трястись.

– Фуй... – отдувался Готескнехт. – Ошень, ошень смешной страна. Германия малшик не воевай, фуй... Я пропускаль один малшик город Гоорн прошлый год. Он вез свой больной муттер на санка. Я восхищаль этот малшик, фуй... Сейшас я не имей вас пропускаль. Ви слышаль приказ этот испанский вояк, доннер-веттер?

– Господин сержант, – затараторил я, – у меня хорошая память. Сеньор приказал держать меня до особого распоряжения. Но ничего не сказал про остальных. Про медведя и про девочку. Даже про хозяина фургона. Это правда его голуби. Но я прикидывал купить их для свадебного подарка от Помпилиуса. Господин сержант, отпустите их всех, сеньор вам ничего не сделает. Он ведь хозяин своему слову.

– Уф, уф! – пыхтел Готескнехт. – Хитрый...

– Неужели это вы пропустили мальчика, который вез больную мать, господин сержант? Об этом рассказывали даже у нас.

– Удивительный поступок, гуманный поступок, – поддакнул Караколь. – Почему бы не отпустить еще одного, ведь он везет не мать, а всего медведя.

Эле стала утирать слезы. Не знаю уж, по-настоящему или нам подсобить решила. Она-то и доконала Готескнехта.

– Я решаю, – сказал Готескнехт. – Я отпускай фургон, собака, медведь, этот... голубья... как, голубятник и девишка. Малыш дарф ниht, не мой компетенций.

Тут Караколь надулся и выставил ногу:

– Никогда! Никогда не поедет без Кееса! Я подскочил к нему и тихо сказал:

– Всем нам не выбраться. Быстрее уезжайте! По дороге на Валкенбург есть брошенная мельница. Там ждите до утра. Если нет – значит, не выбрался. Голубей покормить не забудь.

– Ни за что! – снова сказал Караколь. – Хорош бы я был...

– Не рассуждать! – прошипел я, а кровь так и бросилась в лицо. – Приказываю... как адмирал... – Я прямо слов не находил. Хотелось дать затрещину, как Михиелькину.

– Ладно, адмирал, – грустно сказал Караколь. – Я выполню приказ...

Он подошел к фургону, погладил Пьера и еще раз грустно посмотрел на меня.

Они уехали. Они уехали... А я повернулся и стал смотреть на Лейден.

Может быть, кто-то глядит сейчас в подзорную трубу и видит, что я сижу один среди усаых солдат. От них пахнет потом и луком. Может, увидит меня Сметсе Смее и протрубит вылазку. Нет, вылазки запрещены.

Я почему-то вспомнил, как на улице Длинных Баранов видел нищую девочку. Был у меня в кармане кусок хлеба, но я не дал. Пожадничал. Эх, зачем я пожадничал...

Копейщикам нечего делать. Одни играют в кости, другие валяются в одних рубашках на сочной рейнландской траве. Смотрите не промочите спины, солдаты! Земля у нас – пальцем нажми, выпускает воду.

Они ходят, лениво ругаются, чешут друг другу спины. Обыкновенные люди. Неужели это они кололи, резали, отрывали головы, потрошили людей заживо, как было в Хаарлеме и Наардене? Неужели они распевали слова герцога Альбы: «Всади нож в каждое горло!»?

Уже далеко за полдень. Небо затянуло желтыми облаками. Поблескивает вода. Солдаты поели бобов со свиной. Дали и мне в помятом котелке. Интересно, добрался Караколь до мельницы? Туда ведь не больше часа.

– Ошнь скука, – вздыхает сержант Готескнехт. – Война некароший штук. Я был Париж. Париж я воевай против католик, за гугенот. Ви знайт гугенот? Гугенот отрывай голова католик. Католик отрывай голова гугенот. Париж я воевай против католик. Гугенот платить больше талер, дин-дин. Сейшас я воевай против гугенот. Ви есть тоже гугенот, голланд – гугенот, кальвинист. Ви понимай? Сейшас католик платить больше талер, дин-дин.

– А Париж большой город? – спросил я.

– О да! Совсем большой город. Больше Амстердам десять раз. Ошнь грязь, о да, ошнь. Больше Амстердам десять раз.

Я спросил:

– Зачем же воевать, если война вам не нравится?

– Зашем? Сержант Готескнехт желай новый дом Гронау. Зашем... Я не любил католик, я не любил гугенот. Они отрывай голова друг друг. Ви слышаль ночь святой Варфоломей? Фи! Мне чуть не отрывай голова этот ночь. Католик побеждай, имей больше дукат, флорин, пистоль, талер. Сейшас я воевай за католик. Дас ист майн летцтер криг – мой последний война... Ох, – вздыхает сержант, – ошнь скука... Бедный малыш. Надо играть мяшик, тук-тук, нельзя стрелять бочка порох.

– А вы знаете игру «яичный огород»? – спрашиваю я сержанта. – У нас целый май в нее играют.

– О! Ты можешь играть своя игра, – разрешает сержант.

– Один я не могу. Это очень веселая игра, господин сержант. Давайте поиграем вместе. Увидите, как будет весело.

Целые полчаса я объяснял правила. Солдаты собрались в кружок и слушали. Если и вам не доводилось играть в «яичный огород», послушайте, как это делается.

Вдоль дороги раскладывают несколько дюжин яиц. Рядом с первым стоит бочка с водой, а в ней плавает яблоко. Один человек должен поймать ртом и съесть это яблоко, руками трогать нельзя. Другой в это время сломя голову мчится по дороге и собирает яйца в лукошко. Ни одно не должен разбить. Кто справится первым, получит в награду лукошко.

Сколько раз я играл в «яичный огород»! Почему бы не сыграть еще разок, тем более я кое-что задумал.

Один солдат согласился со мной потягаться. Яйца и прошлогодние яблоки, конечно, нашлись. Наверное, награбили поблизости.

Примерно на сотне шагов мы разложили дюжины две яиц. В бочонок с водой бросили большое, еще крепкое яблоко.

– Форвертс! – крик нул Готескнехт.

Я помчался по дороге, быстро подбирая яйца. Конечно, тут без сноровки не обойтись. Я не оглядываясь знал, что копейщик мучится с яблоком, стараясь его укусить. Оно отпрыгивает, он гоняет яблоко носом и не успеет съесть и половины, когда я вернусь. Я слышал, как гомонили и хохотали солдаты.

Конечно, я победил. Соперник с мокрым красным лицом смеялся вместе со всеми.

Теперь мы поменялись ролями. Я занялся яблоком, а тот побежал по дороге. Есть тут один секрет. Надо сразу прижать яблоко к краю бочки, быстро опускать голову в воду и откусывать по большому куску.

Не успел он вернуться, раздавив несколько яиц, как я уже проглотил огрызок. Пустяковое дело. Доедая яблоко, я даже успел поразмыслить над тем, что видел, когда сам собирал «яичный огород».

Значит, сотня шагов. Если прибавить еще сто, начнется поворот, обсаженный густой ивой. Пока они разберутся, успею добежать до тропки, ведущей налево. А там за росли боярышника – ищи-свищи!

– Давайте разложим вдвое больше яиц, – сказал я другому солдату. – А яблоко вам поменьше. Все равно за мной будет победа.

Яйца разложили так, как я рассчитал. До поворота оставалось каких-нибудь десять шагов. Начали!

– Форвертс, Пауль! Зиг хайль! – заорали солдаты.

Я побежал быстро, как мог. Копейщики гомонили, поддерживая своего Пауля. Я мчался, пропуская яйца, теперь не до них.

А тут еще краем глаза заметил, что со стороны Мары скачут всадники. Неужели за мной? Я подбираю последние яйца, когда за спиной раздался топот копыт. Еще немного! Вот поворот!

Я бросил лукошко и оглянулся. Дон Рутилио! Он даже не гнал коня, и тот, пританцовывая, догонял меня.

В горле горело. Я бежал чуть не падая. Только бы успеть до боярышника, только бы успеть! Вот тропинка и поворот...

– Зачем же бежать? Нехорошо!

Это голос дон Рутилио. Совсем близко. И топот копыт. Боярышник, неужели не укроешь меня? Вот уже твоя густая стена, облако розовых бабочек. Еще несколько шагов, еще...

– Ах, как нехорошо! И бесполезно. Куда же ты мчишься?

И вдруг – бац-бац! – два оглушительных выстрела над моей головой! Я шлепнулся на землю. В меня? Я убит? Тишина. Какая-то букашка щекочет мой нос. Разве я жив? Я поворачиваюсь, поднимаю голову.

Передо мной, безумно поводя глазом, стоит черный конь. На его крупе, раскинув руки в белых кружевах, лежит дон Рутилио.

Потом я вижу Караколя. Он стоит в кустах боярышника, прижав к груди дымящийся трехствольный пистолет.

Часть вторая РАЗВИЛКА "КАПКАН"

Часть вторая РАЗВИЛКА „КАПКАН“

СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА

Мы мчались через кустарник, царапая в кровь руки и лица. Сзади, как ни странно, было тихо. За нами никто не гнался. Только потом, когда отбежали порядочно, услышали два-три выстрела. Видно, поздно они спохватились, а может, не стали прочесывать боярышник. Да где уж, тут нужно не меньше полка...

В ложбине мы перевели дух, и я спросил:

– Где пистолет?

Но Караколь не ответил. Он встал на колени, сложил на груди руки и уставился в небо. Потом сказал:

– Неужели я убил человека?

Я ему говорю:

– Смотря куда попал. Если в лоб, то, конечно, наповал. А если, например, в грудь, то там у него панцирь.

– Я ведь хотел напугать, – говорит Караколь. – А панцирь, ты думаешь, выдержит?

Я ответил, что смотря какой. Если, например, нидерландский от мастера Лешо, то наверное выдержит. А если испанский или французский, то вряд ли. Тут я пустился рассказывать все, что знал о панцирях от Сметсе. Но Караколь возмутился:

– Болтаешь в то время, как мы убили человека!

Я стал говорить, что это почти и не человек, а потом не обязательно убили. Может, он от страха хлопнулся в обморок. А сам думаю: нет, уж точно Караколь вlepил в него пулю, а может, и обе. Не такой человек дон Рутилио, чтоб испугаться пистолетного выстрела.

– Ты думаешь, в обморок? – спрашивает Караколь. – Может, он просто притворился? Думал, что это лесные гезы...

Тут я пустился врать, что видел этого дона еще на вылазке, что он ужасно трусливый, все время держался сзади, даже меня испугался, когда я погрозил кинжалом. Уж точно он притворился мертвым, иначе почему не упал с коня, а разлегся на нем, как на постели?

– Да вот и я думаю, – говорит Караколь, и руки у него перестают трястись. – Я ведь стрелял прямо в небо, как же в него попал?

Вот так и попал, думаю про себя. Прямо в лоб. И нечего тут хныкать из-за какого-то испанского дона. Они из-за нас не хнычут. Меня, например, собрался повесить. И очень здорово влетело ему за это...

Самое неприятное, что я остался без пистолета. Караколь из него пальнул, подержал, а потом бросил. Жалко, что я не заметил, успел бы подобрать. Но разве тут что-нибудь скажешь? Ведь Караколь спас мне жизнь. Оказывается, он спрятал фургон в боярышнике, Эле велел сидеть тихо, а сам вытащил пистолет и пошел обратно. Как знал, что помощь его пригодится. Мы сделали две-три петли и вышли к фургону. Испуганная Эле пряталась в кустах, она слышала выстрелы. А Пьер с Помпилиусом хоть бы хны! Помпилиус гулял по лужайке, нюхал цветы боярышника, аккуратно срывал и пробовал на вкус. Пьер подремывал, а когда увидел нас, встал и вильнул хвостом.

Мы дали голубям пшеница, а потом стали думать, как быть. Дело шло к вечеру. Небо превратилось в серую перламутровую раковину, над морем оно теплилось розовым светом, туда уходило солнце.

Я предложил ночевать на мельнице. Той самой, о которой говорил Караколю. Когда-то она, видно, откачивала воду с польдера – низкого луга, но теперь это место осушили, а ветряк сильно осел, и ось его перекосилась.

Эту мельницу я хорошо знал. Издали она похожа на огромную накренившуюся стрекозу. Я проходил мимо несколько раз, когда приносил с моря корзинки с ракушками. Мими-

елькин клялся, что ночью ветряк выпрямляется и начинает махать крыльями, а на каждом сидит ведьма с метлой. Он уверял, что про это говорится даже в загадке:

Четыре старушки
летят друг за дружкой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.